

С. 4 «Наследие Русской церкви, русской духовной культуры, безусловно, исключительно»

Ректор СФИ о. Георгий Кочетков рассказал нам о своей работе над катехизисом по таинствоведству, о том, на труды каких отцов церкви и богословов он опирался в первую очередь

С. 5 Письма читателей

«Я благодарю Господа за то, что Он даровал мне дожить до 80 лет и увидеть своими глазами этот выдающийся день в жизни Содружества братств и, надеюсь, всей Русской церкви», – пишет о праздновании 25-летия братства один из старейших братчиков. Другое письмо посвящено памяти матери Марии (Скобцовой)

С. 6 «Желаю Вам всего того, чего Господь Вам желает. Благодарю за усердие...»

Для нас очень важно слышать свидетельства людей, лично знавших исповедников. Сегодня это воспоминания матушки Олимпиады (Иус), служившей письмоводителем о. Тавриона (Батозского) в последние годы его жизни и служения

Приложение «Миссионерское обозрение»

В нашем приложении, как обычно, новости о трудах миссионеров в разных странах, а также рассказ о новом издании, подготовленном Научно-методическим центром по миссии и катехизации при СФИ, и большая статья Бориса Колымагина, посвященная анализу феномена современного атеизма

Тема номера

Связь времен

Грузия – маленькая или большая?

Фото на память о встрече с патриархом всея Грузии Илией II

«Мы все понимаем»

Гелатская духовная академия – старейшее духовное учебное заведение в Грузии. Ее основал царь Давид Строитель в XII веке в Гелатском монастыре (это в нескольких километрах от Кутаиси). Позже она переместилась в город.

Там нас принял ректор протопресвитер Ираклий Ахаладзе. Он рассказал об истории академии и ее восстановлении в постсоветское время. Сегодня Кутаисская семинария и Гелатская академия представляют собой две ступени высшего богословского образования – бакалавриат и магистратуру. Здесь особый акцент делается на гуманитарных дисциплинах, и в этом мы с ними похожи: трудно понять святых отцов и современное богословие, не поняв Платона, Аристотеля и, конечно, собственной культуры и истории.

Но здесь, в стенах академии, с пониманием, должно быть, все в порядке. Странное чувство, когда в аудитории нет ни одного русского, рядом с трибуной сидит переводчик, но в зале просят не беспокоиться насчет перевода: «Мы все понимаем».

Отец Георгий Кочетков рассказал всем об истории нашего института, о его полуподпольном существовании в СССР и нынешних современных полнокровных образовательных программах. Несмотря на то, что это

Ректор СФИ священник Георгий Кочетков
с группой сотрудников и студентов посетил Грузию

были последние жаркие дни каникул, людей в аудитории было довольно много, а вопросов – еще больше. Преподаватели интересовались конференциями, трудоустройством выпускников, набором богословских и небогословских дисциплин и, конечно, финансовыми нюансами образовательного процесса в России – куда без них. Даже после встречи, когда эти же преподаватели рассадили нас по своим машинам, чтобы показать окрестности, расспросы продолжались:

- Трудно ли учиться?
- Какие предметы нужно сдавать при поступлении?
- Сколько часов длится курс Нового завета?
- А сколько студентов на очном отделении?

Все это они бурно и горячо обсуждали по-грузински. Так просто, искренне и непосредственно, что мы не заметили, как оказались в Моцарета – монастыре мучеников Давида и Константина.

Это не только святыня и средоточие красоты местных ландшафтов. Монастырь стоит на искусственной скале и наклонен на 33 градуса, так что солнце из-за гор выходит попозже.

– Это ничего страшного. Просто братия немножко позже просыпается, – весело комментирует отец Лазарь, преподаватель Основ православной веры.

Окончание на с. 2

«Турник» для личностного роста

В этом году на богословском факультете СФИ были
защитены 40 бакалаврских работ

О защите 21 работы мы рассказывали в июльском номере. Остальные 19 были защищены 29 и 30 сентября.

«Самое главное – что в процессе написания этих работ люди растут личностно, интеллектуально и духовно», – сказал председатель государственной аттестационной комиссии ректор МГОСГИ Алексей Борисович Мазуров. Защиту богословского диплома он сравнил с духовным «подтягиванием» – усилием, необходимым человеку, чтобы вырасти над собой, а работу в комиссии, которая оценивает результаты таких усилий, охарактеризовал как дело приятное и интересное.

Самый необычный диплом представил к защите Сергей Бурлака.

Соискателю, имеющему консерваторское образование, удалось по дневникам и переписке выдающейся пианистки Марии Юдиной проследить ее духовный путь и служение, которое выражалось в превосходящей все привычные формы заботе о «ближних» и «дальних», творчестве, где было место открытому свидетельству о Христе, элементам юродства в поведении и очень аскетичной жизни. Как показал автор работы, все это было формой сознательного духовного сопротивления атеистическому режиму.

Андрей Еремеев исследовал деятельность митрополита Иннокентия (Вениаминова) в качестве епископа новообразованной Камчатской епархии в 1840–1867 годы.

Государственная аттестационная комиссия

Окончание на с. 3

«Все когда-нибудь должны умереть. Никогда не делай такого, чтобы люди плюнули тебе вослед»

Говоря о жертвах политических репрессий, мы вспоминаем миллионы людей, погибших в тюрьмах и лагерях, но редко говорим о тех, с кем каждый из погибших или пострадавших был связан – их родителях, супругах, детях... Порой они сами становились заключенными. Но даже когда этого не случилось, каждый из них продолжал носить в себе рану. Кого-то это изматывало и разрушало, кому-то придавало мужество. Сегодня, перед Днем памяти жертв политических репрессий, мы вспоминаем этих людей. У нас на страницах встретятся внучка одного из первых соловецких политзаключенных царского офицера Созерко Мальсагова и родственники инженера Николая Покровского, погибшего в конце 1930-х.

В начале 1960-х годов, в первую «оттепель», после восстановления Чечено-Ингушской республики, моя мама и тетя получили через Комитет государственной безопасности первое письмо от своего отца, которого они знали только по рассказам матери¹. Несчастный их отец разыскивал кого-нибудь из его родных, оставшихся в живых. Три женщины были живы, они выжили, несмотря на всю алогичность этого. Ведь не должны были они остаться в живых в фантазмагорическом кошмаре 1930-х – 1940-х годов. Эти три ЧСИРки² должны были стать лагерной пылью, а стали людьми. И не потому достойны они уважения, что получили образование, заняли какие-то свои (весьма скромные) места в обществе, а потому, что с честью боролись за свое человеческое достоинство, за жизнь, не играя в опасные игры с совестью. «Все когда-нибудь должны умереть, никогда не делай такого, чтобы люди плюнули тебе вослед» – так сказала хрупкая Леби Шахбулатовна своей старшей дочери,

Соловки

когда той поступило предложение стать осведомителем НКВД.

Моя бабушка осталась соломенной вдовой в 26 лет. Ее супружество продолжалось семь лет (она вышла замуж девятнадцати лет в 1917 году). Практически до 1957 года вся ее жизнь была сплошным скитанием. В конце 1920-х годов она с двумя маленькими девочками уехала из села своего мужа, жила в Орджоникидзе, Баку, Грозном, потом в разных городах Киргизии. И только в 1957 году бабушка поселяется в Грозном, где и прожила до конца жизни (1980 год). Вопреки логике, она, неграмотная, дала образование своим дочкам – моя мама стала инженером, тетя – врачом. Бедствуя, трудясь, скитаясь, они, тем не менее, выжили (вопреки прогнозам одного капитана НКВД, который в припадке бешенства на очередной «обработке» крикнул моей маме: «Вы все равно все подохнете: ваша мать, сестра, вы сами. Потому что вы – враги советской власти».

Окончание на с. 7

Православие за рубежом

Отдельным событием дня для нас был прием у владыки Каллистрата – старейшего митрополита и до недавнего времени ректора духовной школы. Сразу, как только мы плотно расселись в кабинете, владыка, живописно вскидывая руки, стал приветствовать нас, говоря, что «мы все – братья во Христе». Густым раскатистым басом он повторял эту фразу довольно часто, рассказывая о своей молодости, об академии и подвиге христианской жизни. А на прощание он благословил всех нас, наше паломничество и снова прогремел: «Главное помни-те: мы – братья во Христе».

Патриарх Грузии

Свято-Троицкий кафедральный собор виден с любого края Тбилиси, особенно хорошо – из больших окон нашей гостиницы, и явно напоминает храм Христа Спасителя в Москве и новый кафедральный собор в Ереване. А в ночном городе нет его ярче. Как нам сказали, раньше на грузинских храмах никогда не золотили крыши и куполов.

Патриарх служит здесь каждое воскресенье. Богослужение начинается в десять утра. Отца Георгия попросили быть в алтаре немного пораньше.

Первое, что нас удивило, когда мы пришли на литургию, – это плотное кольцо военных вокруг центральной части храма. Мы знаем, что народ здесь любит и бережет своего патриарха, но это, кажется, уже слишком. Хотя позже вы-

Преподаватели и студенты Гелатской духовной академии на встрече с ректором Свято-Филаретовского института

яснилось, что это не совсем постоянная практика, а такая традиция «благословения» солдат на военную службу.

Несмотря на то что предстоял на службе сам Святейший, все алтарники, диаконы

Грузия – маленькая или большая?

Ректор СФИ священник Георгий Кочетков с группой сотрудников и студентов посетил Грузию

и священники не строились по линейке и не бегали как укушенные. Они, что называется, чувствовали себя как дома, и это немного удивило нашу московскую делегацию, привыкшую к железному порядку на наших архиерейских службах.

Тем не менее было видно, что для патриарха Илии торжественная литургия, длившаяся больше двух часов, – огромное напряжение. А потом, до самого вечера, – приемные часы. Нам было назначено на половину восьмого.

Несмотря на физическую немощь, патриарх абсолютно бодр, весел и остроумен. Свободно говорит с нами по-русски и при встрече сразу вспомнил отца Георгия Кочеткова.

Святейший очень живо реагирует на имя святителя Филарета, с которого отец Георгий начинает представление нашего института, и вспоминает Филаретовские вечера в Московской духовной академии. Говорит о любви к России, русским святым и Русской церкви, что «ничто не сможет разрушить братских отношений между нашими народами». Когда мы спросили, чем он руководствовался в деле собирания грузинского народа после тяжелого советского прошлого, он ответил одним словом:

– Любовью.

Когда один из нас попросил наставления для молодежи «в наше трудное время», патриарх Илия ответил, что времена «всегда были тяжелыми. Но человек должен всегда меняться к лучшему, идти по лестнице вверх, хотя это труднее, чем идти вниз. Когда мы думаем, что нам очень трудно и чувствуем опасность, тогда Господь к нам ближе всего и стоит рядом».

На прощание отец Георгий вручил патриарху несколько книг и памятную медаль с изображением митрополита Филарета, выпущенную к 25-летию нашего института. Святейший внимательно посмотрел на нее, приложился, а потом еще некоторое время читал текст на форзацах подаренных книг. Ответным даром была замечательная икона Богородицы национальной грузинской чеканки и густое черное вино.

Когда мы уже собрались уходить, патриарх вдруг встал и повел нас в свою домашнюю оранжерею – прекрасный зимний сад с цветами и птицами.

– Все это требует большого ухода? – спросил кто-то из наших братьев.

– Требуется любви и заботы, – ответил патриарх.

Школа, школа

Тбилисская духовная академия – ровесница нашего института. Она была

основана в 1988 году и должна была стать преемницей Гелатской академии, где вера будет соединена со знанием. На всех факультетах преподаются история Грузии, грузинская и мировая литература, история искусства, философия, археология, древние и современные языки.

Старый кафедральный собор – Сиони – сегодня выполняет функции академического храма. Именно здесь происходит открытие учебного года (причем в Грузии это не первое, а четырнадцатое сентября). Традиционный молебен снова служит патриарх Илия Второй.

– В академии можно научиться многому, а можно ничему не научиться, – сказал он студентам. – Все зависит от вас. Из храма все переходят в здание академии.

Сначала – краткая встреча патриарха с руководством и преподавателями академии, на которую пригласили отца Георгия Кочеткова и первого проректора Дмитрия Гасака как представителей руководства Свято-Филаретовского института. Патриарх неожиданно попросил отца Георгия первым, до архиереев, сказать несколько слов в адрес Тбилисских духовных школ. Батюшка очень удивился такой свободе и с радостью поприветствовал преподавательскую корпорацию от имени нашего института, пожелав помощи Божьей в продолжении начатого патриархом Илией святого дела просвещения всего грузинского народа.

А сразу после отъезда патриарха в просторном и светлом кабинете нас принял ректор академии протопресвитер Георгий Звиададзе – высокий седоватый человек с благородным и строгим лицом, очень энергичный и эмоциональный. Нам говорили, что с тех пор, как он сменил патриарха на посту ректора, требования к абитуриентам и студентам стали даже строже.

Он расспросил о Свято-Филаретовском институте, а мы спрашивали его об академии: как решается задача соединения веры и научного знания, по каким учебникам занимаются студенты, есть ли издательская, переводческая деятельность, как устраивается студенческий досуг.

Все это время отец Георгий говорит с нами с учетом обстановки, по-грузински, его переводит помощница Лали (она преподает в академии русский язык). Вдруг отец Георгий сам переходит на русский:

– Я хочу, чтобы мы говорили свободно и открыто. Я не политик. Я предпочитаю говорить на грузинском, поскольку мой русский пока еще оставляет желать

Ректор Тбилисской духовной академии протопресв. Георгий Звиададзе и ректор Свято-Филаретовского института свящ. Георгий Кочетков

лучшего, – поясняет он, ни разу не запнувшись в словах. – Думаю, через год я уже смогу говорить с вами и по-русски.

Говорят, кабинет ректора не изменился с тех пор, как патриарх оставил руководство академией в 2009 году. По настрою и бережному отношению к обстановке видно, что отец Георгий тоже чтит Святейшего.

Во время беседы с нами его телефон звонил не переставая. В кабинет каждые 10–15 минут заглядывали какие-то люди. Шутка ли, в начале учебного года, когда все буквально стоит на ушах, он уделил нам столько времени. Между прочим, вспоминая наш давешний визит к патриарху, он удивлялся, что тот как будто не хотел нас отпускать. Говорил, что мы очень «обрадовали Святейшего своим визитом». А в конце беседы добавил:

– Я глубоко уважаю Святейшего патриарха Кирилла, который много сделал для Православной церкви не только в России, но и во всем мире. Я неоднократно встречался с ним на различных конференциях, и меня всегда восхищала его духовность и образованность.

Наш отец ректор отвечал на это выражением благодарности за прием, который превзошел наши ожидания, и радости от множества замечательных встреч, а также словом надежды:

– Мы не можем заикливаться на одних только земных интересах или только на себе и своем. Поэтому для нас посещение Грузинской церкви и знакомство здесь с духовным образованием очень важно. Духовное образование – это авангард. От того, каким оно будет, зависит наше общее будущее.

Андрей Васенев, Софья Андросенко
Фото: Андрей Васенев, Александр Волков

Печатается в сокращении. Полностью материал опубликован на сайте СФИ

Прошли заседания Пятого Всеправославного предсоборного совещания

12–16 октября в Православном центре Константинопольского Патриархата в Шамбези близ Женевы под председательством митрополита Пергамского Иоанна прошли пленарные заседания Пятого Всеправославного предсоборного совещания. В нем приняли участие представители четырнадцати Поместных православных церквей.

Глава делегации Русской православной церкви, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион приветствовал участников совещания от лица Святейшего патриарха Московского и всея Руси

Кирилла и Священного Синода Русской православной церкви и передал пожелания успехов в трудах. Он также сообщил о результатах рассмотрения проектов соборных документов Священным Синодом Русской православной церкви.

По итогам работы совещания был одобрен проект документа «Автономия и способ ее провозглашения», разработанный в 2009 году Межправославной подготовительной комиссией. Участники совещания также рассмотрели проекты других документов Всеправославного Собора; с учетом поправок, представленных делегациями Поместных церквей, документы «Отно-

шения Православной Церкви с остальным христианским миром» и «Важность поста и его соблюдение сегодня» были одобрены всеправославным совещанием.

Документу «Вклад Православной Церкви в достижение мира, справедливости, свободы, братства и любви между народами и устранение расовой и прочих дискриминаций» было усвоено новое название «Миссия Православной Церкви в современном мире». В связи с тем, что по ряду принципиальных позиций не удалось достичь консенсуса, документ не был подписан главами делегаций Русской и Грузинской православных церквей.

По материалам сайта Патриархия.ру

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.
Телефоны распространителей Москва:
+7-964-534-64-55 (Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56 (Анна Гринман),
+7-965-128-15-07 (Марина Чиркова);
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)
США, Канада: 1-651-210-4922,

oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 23 октября 2015 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 25 октября 2015 г.

gazetakifa.ru

«Турник» для личностного роста

Начало на с. 1

В этом году на богословском факультете СФИ были защищены 40 бакалаврских работ

Сergeй Бурлака, автор выпускной работы «Духовный путь М.В. Юдиной по материалам ее дневников и переписки»

В работе удалось показать, какие трудности в деле христианского свидетельства видел митрополит Иннокентий, какие задачи он перед собой ставил и как их решал.

Важное место в его служении занимали переводы Священного писания и богослужения, встречи и беседы с людьми, дальнейшее устройство их христианской жизни, в том числе просвещение.

Библейскому контексту и смыслу выражения Иисуса Христа «Сын Человеческий» было посвящено исследование Марии Кушнир. Она сопоставила использование этого титула в синоптических Евангелиях и в седьмой главе Книги пророка Даниила. Хотя работа содержит серьезный обзор научной литературы, соискательница нашла

самостоятельный методологический ход, предварительно выявив наиболее важные темы и смыслы этой главы. Это позволило проверить присутствие в словах Иисуса не только прямых цитат из Дан 7:13, но и всего тематического спектра этой книги. Студентка пришла к интересному выводу, что выявленный комплекс идей этой книги (а именно, темы Царства, мученичества и противостояния ненасильственного Царства Божьего хищной власти тираний) объединяет все речения Иисуса о Сыне Человеческом. Эти и другие наблюдения позволили выдвинуть несколько интересных предположений о смысле выражения «Сын Человеческий» и объяснить, почему в тех или иных случаях Иисус употреблял именно его.

Первое специальное исследование на русском языке, посвященное чину «восьмого дня» по крещении, представила к защите Ксения-Оксана Кудряшова. Соискательница сделала попытку реконструировать основные этапы формирования этого чина как завершения таинства крещения и миропомазания. Опираясь на материал литургико-канонических памятников, памятники раннехристианской литературы, византийские евхологии, славянские литургические книги и современные требники, а также святоотеческие проповеди и комментарии и основные литургические исследования по данной теме, студентка проанализировала структуру, содержательные особенности и практику совершения данного чина (в том числе участие церковного собрания

и самого новокрещенного в нем) в период от окончательного оформления его византийского извода до наших дней.

«Все работы интересные, все хорошо поработали, – сказал председатель государственной аттестационной комиссии Алексей Борисович Мазуров. – Мне запомнилась работа Сергея Бурлаки о духовном пути замечательной пианистки Марии Вениаминовны Юдиной, работа о братстве во имя святителя Гурия Казанского. Понравилась работа по Книге пророка Даниила в связи с возможным истолкованием словосочетания “Сын Человеческий”. Как оказалось, она заполнила имеющуюся лакуну в библистике. Такое не часто бывает в бакалаврских работах. Очень интересная работа по послекрещальному обряду “восьмого дня”. Человек основательно проработал все возможные источники, поработал с публикациями и представил полную картину, как и почему менялся этот обряд, высказал предложения по его актуализации. Это, в общем-то, тоже определенный вклад в литургику, потому что до этого никто в России не занимался этой проблемой».

Также работы были посвящены христианскому служению ярких личностей в истории XX века: священника Сергея Желудкова, архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского Иоанна (Максимовича), протоиерея Сергея Четверикова, митрополита Нестора (Анисимова). Несколько студентов представили работы по все еще малоизученным материалам Поместного собора Православной Российской церкви 1917/18 гг., основан-

ные как на опубликованных, так и на архивных документах. Две работы были посвящены деятельности православных братств в XIX – начале XX века. Также были исследования о положении старообрядцев в Бессарабии в 1867–1905 гг., о богословских взглядах профессора В.В. Болотова на проблему разделения церквей в связи с возможностью восстановления общения Православной российской церкви со старокатоликами, об интерпретации новозаветных чудес в трудах святых отцов-катехетов IV–VI вв. и православных катехизисах XVII–XX вв., об устройении иноческой жизни в монашеских общинах свт. Василия Великого и прп. Пахомия Великого.

Всем соискателям была присвоена искомая степень бакалавра теологии.

Софья Андросенко
Фото: Александр Волков, Ольга Максимова

Межсоборное присутствие

В раннехристианских текстах отсутствует противопоставление «священники – миряне», а самого термина «миряне» нет вообще: предполагается, что Церкви служат все ее члены

Семинар «Церковнослужитель и его место в иерархии Церкви» прошел 5 октября в исторической резиденции Московских митрополитов в Черкизове. Организатором мероприятия выступила комиссия Межсоборного присутствия по вопросам церковного управления и механизмов осуществления соборности в Церкви при участии информационно-просветительского интернет-портала «Приходы». Благословил начинание председатель комиссии, управляющий делами Московской Патриархии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий. Председательствовал на семинаре митрополит Читинский и Петровск-Забайкальский Владимир. Модератором мероприятия стал заместитель управляющего делами Московской Патриархии, настоятель храма Пророка Божия Илии в Черкизове архимандрит Савва (Тутунов).

В начале семинара заместитель заведующего кафедрой истории Церкви и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей Дмитрий Пашков представил очерк положения низшего клира в эпоху Вселенских Соборов. Он отметил, что по каноническим правилам, если оглашенные отрекались от веры или совершали другие тяжкие грехи до крещения, при условии покаяния после таинства они все равно могли производиться в низший и даже высший клир. Применительно к современной ситуации отец Дмитрий предложил подумать над тем, чтобы, возможно, заменить формулировку «оглашенный» на «немотивированно крещенный в детстве», чтобы соблюсти дух канона.

Доцент Московской духовной академии священник Михаил Желтов отметил, что в богослужебных текстах не употребляется термин «хиротесия» по отношению к церковнослужителям, – наоборот, он употребляется по отношению к священнослужителям. В первом же случае используется либо термин «прохирисис» («произведение»), либо термин «хиротония». Современный русский

архиерейский чиновник содержит следующие чины хиротесий: чтец и певец, иподиакон, архи- и протодиакон, протопресвитер, игумен, архимандрит. «Сейчас есть разделение терминов “хиротония” и “хиротесия”, в византийскую эпоху такого разделения не было», – отметил отец Михаил. Он предположил, что здесь могло сказаться влияние схоластического богословия с его четким разделением на Таинства и обряды, а следовательно – на Ordines Minores и Ordines Majores (низшие и высшие чины клира).

Преподаватель Коломенской духовной семинарии священник Дмитрий Полещук напомнил, что сам институт чтецов, упоминающийся уже в раннехристианских текстах, возник потому, что в древней Церкви далеко не все люди умели читать, даже некоторые епископы не владели этим навыком. Читавшие люди были дороги для церковной общины, занимали привилегированное положение и исполняли функции евангелистов. С распространением грамотности (примерно с середины III века) чин чтеца стал сводиться к произнесению за богослужением текстов Апостола. Тогда же появился чин поставления во чтеца, дополненный в VI веке.

Заведующий отделом аспирантуры Российского православного университета Павел Герасимов отметил, что для решения вопроса о чинах церковнослужителей в современной Русской церкви необходимо богословски его осмыслить. По его мнению, для решения вопроса нужен ряд исследований, посвященных целеполаганию: для чего Церкви необходимо церковнослужение. «Наука не может быть чистой наукой. Наша церковная наука должна иметь конкретный результат», – резюмировал Павел Герасимов.

Преподаватель Нижегородской духовной семинарии священник Андрей Логинов обратил внимание на то, что в раннехристианских текстах отсутствует

противопоставление «священники – миряне», а самого термина «миряне» нет вообще: предполагается, что Церкви служат все ее члены. Исходя из этого, надо определять, какие будут чины и какие потребуются молитвы, полагает отец Андрей.

Преподаватель Коломенской духовной семинарии протоиерей Дионисий Басов подтвердил, что в древней Церкви клириками считались все ее служители, поставляемые епископом. Термин «причетники», возникший в Синодальную эпоху, не соответствует канонической практике, хотя законодательно положение причетников было приведено в соответствие с церковными установлениями. Однако в советскую эпоху и это условие было нарушено – обязанности церковнослужителей сплошь и рядом стали исполнять миряне, не входящие в клир. В современной ситуации отец Дионисий полагает необходимым отделить лиц, занимающих церковные должности, от клириков, имеющих посвящение, определив условия вступления в должность, обязанности ее обладателя и санкции за их неисполнение. В частности, отец Дионисий призвал определить порядок прислуживания в алтаре пожилых женщин в исключительных случаях, а также порядок ношения мирянами церковных одежд – как богослужебных, так и внебогослужебных, и поступления певчих в церковные хоры.

Клирик Троицкого храма подмосковного Реутова священник Михаил Конюхов напомнил, что служение иподиакона, которое требует от церковнослужителя большой ответственности (к иподиакону предъявляются повышенные требования, он не имеет права жениться, если еще не женат), сегодня часто исполняется лицами, не имеющими этого сана, – как чтецами, так и диаконами. Чин священосца сохранился в Русской православной церкви, но только в единоверческих приходах. В женских монастырях, например

Серафимо-Дивеевском, обязанности священосиц и посошниц исполняют монахини.

Аспирант Санкт-Петербургской духовной академии Александр Андреев провел экскурс в современную практику Русской зарубежной церкви, где должность псаломщика неоднократно закреплена в уставных документах, однако некоторые моменты, связанные с ее исполнением, никак не прописаны. В частности, нигде не отмечено, что псаломщик обязан быть православного вероисповедания. В результате на некоторых приходах псаломщиками оказываются люди нецерковные либо принадлежащие к раскольничьим группам.

Старший преподаватель кафедры православного вероучения Российского православного университета игумен Хризостом (Елисеев) и магистрант II курса Московской духовной академии священник Роман Смирнов рассказали о работе в синодальных и епархиальных структурах как форме церковного служения. В заключение семинара были обозначены основные вопросы, поставленные участниками семинара: что есть служитель Церкви, какие есть степени церковнослужителей и типы их служений, каковы условия и последствия вступления в ряды служителей Церкви, следующие из этого обязанности и права и др. Именно на этих темах предстоит сосредоточиться комиссии Межсоборного присутствия при создании документа о современных служителях Церкви, не принявших священный сан, но трудящихся во славу Божию.

Доклады выступавших будут опубликованы на интернет-портале «Приходы» в специальном разделе «Мнения». Здесь же все желающие уже на этапе создания документа Комиссии смогут высказаться по теме церковного служения мирян. Затронутые вопросы найдут отражение в итоговом документе комиссии.

По материалам сайта Патриархия.ru

Вместо некролога. Встреча с Сергеем Зегждой

1 октября отошел ко Господу последний братчик Александро-Невского братства, основанного в Петрограде в 1918 году

Сергеем Андреевичем Зегждой (1935–2015) мы виделись всего один раз – в этом году на Радоницу. До этого в течение нескольких лет мы перезванивались. Я бла-

годарил его за книги, которые он издает, за память об Александро-Невском братстве, которую он так бережно сохранил и донес до нас.

Сергей Андреевич, можно сказать, родился в братстве. Как он нам рассказал, его родители в братстве и познакомились, в братство входили его тети по отцу и по матери.

– Вы знаете, что такое братство? – спросил он нас, как только мы вошли к нему в дом. – Братство – это чуткость. Да, это именно чуткость к каждому человеку.

Надо сказать, что пришли мы к Сергею Андреевичу по довольно скромному поводу: просто передать диск с документальным фильмом из серии «Петербургские заступники», в котором он участвовал, рассказывая об архиепископе Иоанне (Вендланде). Но все-таки мы, три сестры из Свято-Петровского братства, читавшие книги Сергея Андреевича и горячо интересующиеся жизнью Александро-Невского братства, надеялись на большее. Так и произошло.

Была Пасха, Радоница. И Сергей Андреевич с такой радостью приветствовал нас словами «Христос воскрес!» – что уже с этих слов было ясно, что он нас никуда не отпустит.

Он рассказывал не только о своем братстве, а и о других общинах и братствах – например, о тайной монашеской общине Высоко-Петровского монастыря и одной из ее сестер – схимонахине Игнатии (Пузик), написавшей книгу «Путь к совершенной жизни» и отошедшей ко Господу в возрасте около ста лет.

Он периодически спрашивал, глядя на нас:

– Вы знаете, что такое братство? – И давал все новые определения.

Например, члены братства не могут, по мнению Сергея Андреевича, пропускать вечернее субботнее богослужение, не говоря уже о литургии. Потому что «для кого каждое воскресенье не малая Пасха – тот далек от жизни духовной».

Когда сели за стол, Сергей Андреевич рассказал об одной особенности братства: на Пасху застолий не было. Мы удивились.

– Ну а что такое первый день Пасхи? У нас не было никакого застолья, никаких гостей. На Пасху мы ходили по самым бедным, самым немощным старушкам из братства. Ведь Пасха – это день Господень. Разговеемся – и пойдем. Это сейчас как будто хотят так привить, что Пасха – это всякие куличики, но на самом деле это день для Господа – посети больного, накорми голодного.

Надеюсь, что через какое-то время мы поделимся с читателями небольшими фрагментами из беседы с Сергеем Андреевичем. А сейчас, в эти первые дни после его кончины, хочется помолиться о том, чтобы Господь принял его в Свои святые обители, чтобы произошла его встреча со всеми, кого он так любил и помнил всю жизнь. Он говорил:

– Отцы и братья были для меня дороже родных. – Так ведь и родные Ваши были в братстве? – Да, но не все. В братстве – все роднее.

Да упокоит Господь раба Своего Сергия! Аминь.

Анастасия Наконечная
Сайт Петербургских братств bratstvaspb.ru

«Наследие Русской церкви, русской духовной культуры, безусловно, исключительно»

О своей работе над катехизисом по таинствоводству рассказывает профессор священник Георгий Кочетков

Закончилась ли Ваша работа над катехизисом?

Она пока еще завершается, но вышла на финишную прямую. В целом все тексты, относящиеся к мистагогическому циклу, готовы. Но в своей последней части, относящейся к антропологии, т. е. к закону жизни церкви, они еще требуют некоторого внимания, может быть, небольшой доработки или дополнения – в основном методического плана. Нужно добавить несколько цитат. Ведь читателям должно быть видно, что в том направлении, которое представлено в катехизисе, работают различные богословы. И нужно еще методически определить, какой материал относится собственно к таинствоводству, к процессу оглашения, а какой – исключительно к подготовке самих катехизаторов. Это работа не простая, но я надеюсь в ближайшие месяцы ее завершить.

То есть этот текст все-таки для катехизаторов? Или он предназначен для оглашаемых?

Хотя, как я уже сказал, все мои материалы по мистагогии предназначены и для тех, и для других, в основном они скорее адресованы катехизаторам. Именно катехизаторам-мистагогам часто не хватает той подготовки, которая требуется для проведения полноценных мистагогических встреч. Ведь для того, чтобы подготовить катехизатора, надо тезисно, кратко собрать все то, что так богато содержится в сокровищнице церковной памяти, церковного познания, церковной жизни, в церковной молитве, в наследии святых отцов, и, конечно, в Священном писании. А также в том живом мистическом опыте, в котором живет каждый христианин, обращающийся к Богу через Христа во Святом Духе, живущий в Церкви Божьей.

На что Вы опирались в первую очередь – на труды каких отцов церкви и богословов?

Сейчас стало совершенно очевидно, что собственно катехизическая традиция оказалась прерванной довольно давно и всерьез, от чего церковь понесла колоссальный урон. Это очень хорошо прослеживается в разных церквях, в разные исторические эпохи. И тот кризис, в котором сейчас находится церковь, в огромной степени связан с тем, что собственно научение церковного народа, а не только профессионалов-священнослужителей, было давно прекращено – оно или не производилось, или производилось так, что не в полноте выполняло свои задачи. Это было осознано в нашей церкви еще в начале XX века, но, к сожалению, церковь не успела на это адекватно отреагировать в связи с известными событиями 1917 года.

Поэтому брать собственно древний катехизический материал было очень затруднительно, хотя иногда и удавалось что-то найти именно в этом пласте церковных преданий и писаний отцов. Здесь, конечно, очень важны были, особенно для последних тем антропологического блока, Священное писание Нового Завета и писания отцов и учителей доникейского периода. Прежде всего хотелось бы вспомнить свт. Мелитона Сардийского и других апологетов и церковных писателей II века. Позже уже мало что было добавлено.

Если же говорить о богословской антропологической традиции в целом, здесь, естественно, можно назвать очень много имен. В посленикийское время антропологией занимались свт. Григорий Нисский, прп. Максим Исповедник, прп. Симеон Новый Богослов и свт. Григорий Палама. Но, однако, и они не создали никакой антропологической системы, у них есть только отдельные высказывания, отдельные взгляды, причем часто непросито сводимые друг с другом и, безусловно, недостаточные для современной мистагогической системы. Так что

картина здесь довольно сложная.

Однако церковный опыт всегда жил, существовал и какими-то отдельными всплесками или блестящими всегда себя проявлял в церковной жизни. Так что говоря об антропологии, можно опираться не только на святых отцов и Священное писание, но можно и нужно брать все то, что было наработано христианским опытом, христианской мыслью, христианской жизнью в Новое и Новейшее время. Можно назвать имена уже из XIX и XX веков, вспомнить А.С. Хомякова, Ф.М. Достоевского и целый ряд других церковных писателей и поэтов. В этом смысле наследие Русской церкви, русской духовной культуры, безусловно, исключительно. Хотя мы не можем сказать, что оно единственно. Безусловно, западно-европейские мистики, духовные деятели и святые тоже вкладывались в эту традицию. Но все-таки меня поразило, что самые фундаментальные открытия принадлежат именно нашей культуре, нашим святым, как практикам, так и богословам, философам, мыслителям.

И здесь пальма первенства в мировой культуре, в мировой истории христианского духа вне всяких сомнений принадлежит нашему великому соотечественнику, крупнейшему христианскому мыслителю Николаю Александровичу Бердяеву. Его откровение, связанное с личностью, а также продолжение идей Алексея Степановича Хомякова о соборности и коммюнитарности, конечно, имеет огромное, исключительное значение. Очень важно наследие и некоторых других учителей церкви, таких как о. Сергей Булгаков, и людей, группировавшихся около них.

Исключительную роль также играет наследие новомучеников и исповедников Русской церкви, еще мало изученное, малоизвестное, и еще меньше усвоенное церковью, но все же существующее и, слава Богу, уже в большой степени доступное тем, кто ищет в их наследии откровение о человеке.

Благодаря всему этому мы сейчас вновь можем определенно сказать, что христианство есть вера в Бога и вера в человека. И это, конечно, принципиально меняет всю картину нашей христианской жизни и требует совершенно новых выводов для тех, кто приходит к Богу и в Церковь. Это требует новых акцентов и нового взгляда на себя, на близких, на жизнь, на мир, на отношения с Богом и со всяким человеком, в том числе и неверующим, нехристианином или неправославным.

Все это, конечно, необыкновенно вдохновляющая работа, оставшаяся ощущение необыкновенного счастья и радости на протяжении многих лет, в течение которых я работал над таинствованием, и особенно над антропологией. (Антропологией я стал заниматься где-то с 2008–2009 года, а вообще таинствованием с 1998 года.) Мне кажется, эта попытка собрать предание церкви именно для того, чтобы включить его в жизнь церкви, в жизнь всех христиан, не может быть идеальной, но, надеюсь, что она будет плодотворной и вдохновит других катехизаторов и учителей-катехетов на продолжение этого дела.

Вы говорите, что стали работать над мистагогией 17 лет назад, но ведь при этом сами темы 3 этапа вошли в Вашу практику катехизации в 1983 году. Получается, что Вы не сразу приняли за письменное изложение этих тем?

Первоначально, когда мы начали проводить таинствоводственные беседы в ноябре и декабре 1983 года еще в Ленинграде, как раз перед самым моим отъездом в чрезвычайном порядке в Москву, написаны были только тезисы и в целом определена тематика таинствования. Потребовались годы для того, чтобы эти темы оформились окончательно.

Это катехизис, рассчитанный не на детей верующих родителей,

Пасхальный крестный ход возглавляют алтарники и новоцерковленные в крестильных рубашках. Светлая седмица, начался этап таинствоводства. 1995 год, храм Успения в Печатниках

растущих в церковной среде (на которых и были рассчитаны все предыдущие катехизисы), а на взрослых людей, приходящих к вере с совсем другими, взрослыми вопросами. Вы согласны, что это принципиально новый опыт, и в каком-то смысле выход в свет такого катехизиса станет сенсацией?

Ну, я не знаю насчет сенсации, я не специалист по сенсациям, но на сегодняшний день это, конечно, единственный подобный опыт. Все ли здесь хорошо или не все, покажет время. Но так как это не просто теоретическое исследование, неопробованное в жизни, не нечто заказанное – наоборот, эти беседы всегда сразу по написании включаются в реальный процесс оглашения, мистагогии, живой духовный процесс, в результате которого в церковь входят живые люди, – то мы смотрим по плодам, по результатам. И исправляем себя именно по этому духовному критерию. Думаю, что именно так должно быть всегда. Настоящее катехизическое учение церкви не может быть плодом одних лишь схоластических усилий и кабинетных трудов, оно может быть только плодом реального «огласительного подвига» (по словам о. Георгия Флоровского), в котором так нуждается вся наша церковь для ее возрождения.

Как скоро читатель сможет увидеть этот текст целиком? Пока мы видели только его фрагменты в Альманахе СФИ и в «Вестнике РХД».

Этим еще надо заниматься. Думаю, на подготовку к печати полного объема таинствоводственных бесед уйдет довольно много времени. К тому же кроме самих тем оглашения для этого этапа особенно важна система приложений, т. е. тех текстов, тех хрестоматийных материалов, которые как раз и показывают, по каким направлениям в лучших проявлениях церковной традиции проходит прорастание того опыта, о котором говорится на таинствоводстве, мистагогии. Надеюсь, что эти хрестоматии, которые надо будет готовить почти к каждой теме таинствования (как и ко многим темам второго, основного этапа оглашения), очень обогатят читателей моего катехизиса.

Каким Вы видите обсуждение этого опыта в церкви? Какие тут возможны пути?

Дело в том, что возрождение катехизации в церкви пока только начинается. Оно еще при дверях, еще только-только делает первые шаги.

В некоторых епархиях пишут катехизисы и организуют катехизаторские курсы, работают катехизационные отделы, все это есть, слава Богу. Но все равно это еще только начало, ведь система катехизации еще не выстроена, она еще не устоялась ни на приходах, ни в епархиях. Пока, к сожалению, нельзя назвать примеры, где бы огласительный цикл существовал в полноценном объеме. Да, есть первые попытки, первые ростки, но они, к сожалению, не всегда бывают удачными. Поэтому не будем их сейчас называть, подождем их укрепления и развития. И тогда, конечно, нужно будет все это – в том числе и мои тексты – обсуждать в церкви, как-то применять к церковной жизни широко и многообразно.

Письма читателей

«Я благодарю Господа за то, что Он даровал мне дожить до 80 лет и увидеть своими глазами этот выдающийся день в жизни Содружества братств и, надеюсь, всей Русской церкви»

23 августа стало для меня (и, наверное, для многих братьев и сестер) самым радостным днем этого года. Сама идея празднования 25-летия Преображенского братства и возможность общего участия в богослужении в храме Христа Спасителя порождали чрезвычайно большую духовную радость. Но даже утром этого дня (не говоря уже о пережитых периодах гонений) я не поверил бы в возможность выступления отца Георгия с главной проповедью на архиерейской литургии в патриаршем соборе РПЦ.

Общая агата в огромном зале конгрессно-выставочного центра одарила чудесным ощущением нашей духовной общности, абсолютно не зависящей от мест проживания. Для меня была очень радостной возможность впервые пообщаться лично с братским врачом из Архангельска, в течение нескольких месяцев опекавшим меня медицинскими рекомендациями по телефону.

Очень понравился (не только по содержанию, но и по способу представления) доклад свящ. Георгия Кочеткова и Ю.В. Балакиной в форме диалога «вопрос-ответ» с отражением лиц докладчиков на большом экране. Хотелось бы, чтобы эта новация была реализована и на будущих встречах Братства.

Мне в октябре исполнилось 80 лет, 24 из них я прожил в Братстве. Вместе с Братством пережил два периода гонений, включая изгнание из двух московских храмов. Последнее из них продолжалось в самой тяжелой форме в течение трех лет, а его последствия мы ощущаем до сих пор то в одной, то в другой епархии.

Понятно, что ни проповедь отца Георгия на архиерейской литургии в храме Христа Спасителя, ни участие патриаршего викария владыки Пантелеимона в общей встрече при открытии фестиваля «Преображенские встречи» (а он подчеркнул, что выступает от имени патриарха Кирилла) не гарантируют прекращения локальных гонений и тем более клеветы и нападок, обрушившихся на отца Георгия и Братство сразу после завершения фестиваля. Но признаки поддержки со стороны руководства Русской православной церкви в любом случае служат подтверждением признания общецерковной значимости движения за возрождение полноты жизни церкви на общинно-братской экклезиологии, основанного и опекаемого свящ. Георгием Кочетковым.

В конце 90-х годов на одной из научно-богословских конференций известный приходской настоятель-пастырь, не принадлежащий к Преображенскому братству и отличающийся духовной трезвенностью и интеллектуальной честностью, назвал служение свящ. Георгия Кочеткова одним из самых значительных явлений в истории Русской церкви в XX веке (ци-

тирую по памяти). Сегодня у нас еще больше оснований поддержать эту оценку.

XXI век только начался, и мы не можем предсказать, как сложится в нем история нашей церкви. Но весь опыт исторического развития свидетельствует, что в конечном счете ничто важное, прогрессивное в этой истории не пропадает. И как мне кажется, Преображенские встречи 2015 года явятся значимой и, хотелось бы думать, поворотной вехой в решении задач возрождения полноты церковной жизни на общинно-братских принципах.

Немного личного. В последнее время меня мучают сильные боли в ноге и пояснице, особенно после ходьбы и продолжительного стояния. Поэтому я опасался, как мне обойдется участие в литургии и в открытии братского фестиваля. Меня подвезли на автомобиле в храм и в Сокольники. Однако на обратном пути пришлось пройти пешком значительные расстояния к метро и от метро, не говоря уж о перемещениях между павильонами в Сокольниках.

Однако вопреки опасениям и предыдущему опыту я не испытал в этот день вообще никаких болей. Они возобновились лишь на следующий день. По-видимому, избавление от болей 23 августа явилось следствием огромной духовной радости, которой одарил меня Господь в этот чудесный день.

Очень хочется, чтобы подобный фестиваль и литургия стали традицией в жизни нашего Братства. Я благодарю Господа за то, что Он даровал мне дожить до 80 лет и увидеть своими глазами этот выдающийся день в жизни Содружества братств и, надеюсь, всей Русской церкви.

Виктор Гохман

Сколько стоит «великая свобода» христианства?

Меня глубоко тронули «тревожные новости» из Свято-Сергиевского богословского института, о которых рассказывалось в Кифе № 11(197).

Я живо вспомнила о ситуации в Париже в годы правления митр. Евлогия, когда вопросы церковной свободы не только опытно решались в реальной жизни каждого эмигранта, прихода, но и осмысливались и обсуждались на разных церковных площадках.

Особенно мне дорога и памятна статья матери Марии (Скобцовой) – монахини Марии, как она сама подписала свою статью – «Испытание свободой», вышедшую в № 1 за 1937 г. «Вестника».

Это особенное произведение для всего творчества матери Марии потому, что после многих лет служения Богу и Церкви ей удалось подвести итоги последних 20 лет жизни русских эмигрантов и показать духовные перспективы такой жизни. Она писала: «В духовной жизни нет случая и нет удачных и неудачных эпох, а есть знаки, которые надо понимать, и пути, по которым надо идти. И мы призваны к великому, потому что мы призваны к великой свободе. Мы должны быть до конца честными и суровыми. В каком-то смысле слова, мы призваны к первохристианству». И дальше: «Мы можем кормить голодных, утешать несчастных, вести беседу с инакомыслящими, но никогда и ни в чем, даже в самых мелких подробностях, мы не имеем права служить чужому пониманию православия. И главное и центральное – мы не должны позволять затемнять Христа никакими правилами и уставам, никакому быту, никаким традициям, никакой эстетике, никакому благочестию».

Статья, как известно, вызвала бурю осуждения в эмигрантской среде. Судить об этом можно по резкому тону «письма в редакцию» от протоиерея Сергея Четверикова, который, опираясь на негодование некоей И.К. Юревой, сам «вполне разделяет ее чувства» и с возмущением протестует против оценок матери Марии.

Это яростное противодействие было неожиданным для В.В. Зеньковского, за-

казавшего матери Марии эту статью. Он считал, что протесты «проходили мимо основной мысли статьи и были направлены против отдельных выражений». На самом деле это не так. Если основная мысль матери Марии – это «найти Христа», то основная мысль ее оппонентов – не трагизм Святой Руси, потому что «все наше родное нам дорого». Ее пророческий призыв к свободе, воле, конечно, был оскорбителен для желающих длить мечты и сохранять иллюзии по поводу национальной святости в прошлом и настоящем.

Христос – вот центр церковной жизни для матери Марии. Все остальное не столь важно, если Он найден. Поэтому все остальное нужно пересмотреть в его отношении ко Христу, чтобы «найти Его там, где раньше мы и не думали Его искать». Так что не удивительно, что те, кто центром церковной жизни ставил реальные или иллюзорные ценности христианского быта, невольно становились противниками, чьи силы, как писала в то время мать Мария, – «ничтожны». Тем не менее, она добавляет: «Но как бы ни была слаба сопротивляемость окружающей среды, мы можем и должны быть терпимы по отношению к людям, и вместе с тем мы должны быть, безусловно, нетерпимы к одушевляющим их идеям».

Сама мать Мария не ожидала, что эта ее церковная позиция незамедлительно вызовет такой резонанс. Уже в № 3–4 «Вестника» ей пришлось писать свой отклик на «Письмо в редакцию» о. Сергия, вступая в полемику. Конечно, она присоединилась к словам о. Сергия о том, Святая Русь живет и дышит в эмиграции, уточнив, однако, что в новых условиях Святая Русь получила новую ответственность. И этим опять развела мосты: «...мы не имеем права делать Церковь только частицей нашего быта, только собиранием воспоминаний о прошлом».

Возможно ли было это исполнить в эмиграции? Сама мать Мария сомневается, т. к. без всякого благодушия, трезвенно оценивая ситуацию, она перечисляет препятствия к этому: расцерковленность эмиграции, редкие прича-

щения верующих, внутренние раздоры в приходах, отсутствие детей и молодежи в храмах и русских школах. Она как бы вновь спрашивает – где эта Святая Русь? И как всегда, доводит дело до конца, т. е. до максимального накала мысли и максимализма позиции в вопросах о противниках и соратниках: «Совершенно условно, конечно, я объединила под словом “мы” всех, кто чувствует свой долг перед Церковью и хочет отдать ей все силы, а под словом “они” подразумевала тех, кому Церковь стала безразличной, или, кто видит в Православии лишь некую деталь своей национальной сущности, или, наконец, кто не чувствует, что Церковь и Христова правда требуют себе на служение всего человека».

Оказалось, что у нее не так уж много единомышленников, тем более «единочувственников». В конце своей статьи мать Мария дает точную оценку судеб, слоев эмигрантов, трезво оценивает, «к чему... привело двадцатилетнее пребывание в свободе». Это тоже, в некотором роде, типы (вспомним ее знаменитые «Типы религиозной жизни». – ГК), но уже эмигрантской жизни. Пятый слой эмиграции, к которому она причисляла себя, никак ею не обозначен. Но именно этот малочисленный слой должен был, как писала мать Мария, принять испытание свободой, чтобы получить силу и вынести его.

По сути дела, ее статья была настоящей социальной провокацией (напомню, что провокативное поведение юродивых – одна из задач подвига), поскольку в своих определениях «текущего момента» она не пряталась за иллюзии о Святой Руси – касалось ли это прошлого России или ее будущего.

Заключительные слова ее ответа на статью С. Четверикова: «Церковь и Христова правда требуют себе на служение всего человека», звучали слишком тревожно и правдиво для тех, кто хотел закрыть глаза на саму причину революции, произошедшей от неверия, кто хотел увидеть в катаклизмах начала века лишь исторические ошибки партий, а не духовную проблему.

Действительно, в нашем мире угроза христианской свободе может идти и сле-

ва и справа. Но гораздо страшнее, когда размываются границы самого представления о «норме» христианства.

В своей статье мать Мария возвращает нас к первохристианству как к норме христианской жизни и напоминает о последствиях отхождения от нее. В мирной, но непримиримой борьбе за свободу нельзя отступать от юродства Креста: «Свободно избираемый, свободно поднимаемый Крест» – вот символ Святой Руси в новых условиях. В этом смысле «свобода призвала нас юродствовать и строить церковное дело так, как его труднее строить».

В этом я вижу и напоминание для нас. Тревожное напоминание в связи с «тревожными новостями».

Галина Коптева

Матушка Олимпиада (Иус)

«Желаю Вам всего того, чего Господь Вам желает. Благодарю за усердие...»

Письмоводительница архимандрита Тавриона (Батозского) вспоминает о пути, который привел ее в Пустыньку под Елгавой

30 октября – День памяти жертв политических репрессий. В этот день мы вспоминаем всех невинно пострадавших. Особенно дорога нам память о святых, жизнь и смерть которых явились подлинным свидетельством их верности Христу и Церкви.

Архимандрит Таврион (Батозский) провел в ссылках и лагерях в общей сложности 27 лет и всегда вспоминал этот опыт с благодарностью Богу за Его непостижимую доброту к нему: «В период революции, когда священников не допускали ни в тюрьмы, ни в лагеря, Он избрал меня, не только недостойного, но совсем неопытного священника, и послал меня на служение туда, где была самая большая нужда <...> – в лагерь, среди тех самых людей, которым был нужен Бог, был нужен священник...» Там он был сораспинаем со Христом, отдавая свою жизнь за ближних своих. Тяжелый опыт пребывания в лагерях и ссылках послужил приуготовлением к завершающему этапу служения о. Тавриона в Спасо-Преображенской пустыни.

Для нас особенно важно услышать свидетельства людей, лично его знавших и разделявших с ним путь исповедничества в трудные для церкви годы. Матушка Олимпиада (Иус) была письмоводителем о. Тавриона в последние годы его жизни и служения. Она рассказала, как произошел выбор ее духовного пути и как Господь привел ее в Пустыньку. Ее отец был псаломщиком, самоучкой. Мать – неграмотная, но мудрая, глубоко верующая женщина. В молодости отец хотел принять иноческий постриг. Когда он ехал за благословением к святому праведному Симеону Верхотурскому на Урал, по дороге заезжал в монастыри, в одном из которых встретил старца. Тот сказал ему: «Ты хочешь спастись? Выйди на 40-градусный мороз. Как оно?» Он понял, что благословения нет, и женился. В семье родилось 12 детей, последний из которых – мальчик – умер в младенчестве... Отец горячо молился и «выплакал» еще одного ребенка. Девочку назвали Олимпиадой в честь диакониссы святителя Иоанна Златоуста. Ей и суждено было исполнить призвание, осуществления которого отец так жаждал, – принять иноческий постриг, она всю жизнь посвятила служению Богу.

Я жила в Челябинске, работала связистом и по совместительству преподавала в техническом училище по специальности. Скутчат мне некогда было: то на работу, то на занятия... И везде со мной старались работать:

«Это несовместимо: ты молодому поколению преподаешь и в церковь ходишь!» (хотя я и не афишировала, не объявляла, что хожу в церковь, но все давно это знали).

И вот на Пасхальной неделе я поехала в Почаев. Там в первый день Пасхи народу ночью много, а потом местные все уедут, и на вечерних богослужениях уже народу мало, толкотни нет, а монашествующие отдохнули, поют, в соборе солнце сияет – и такая красота! А я собиралась, приехав из Почаева, замуж выйти. Смотрю я на эту красоту и думаю: неужели я замуж выйду и лишусь этой красоты? И прямо из Почаева пишу своему жениху: «Не жди меня, я замуж выходить не буду».

В Почаеве я увидела, что службу не понимаю: например, в последнюю неделю смотрю, как монахи кланяются, поклонов кладут много, и я кланяюсь, хотя ничего не понимаю. А паломники на меня ворчат: что ты тут раскланялась? Приехала я домой и задумалась: ведь это все что-то значит: священник вышел, дьякон вышел, а я не понимаю, что это значит. В то время у меня дядя умер, и я приехала на похороны, а у него лежит на окне книжка семинарская – объяснение всех тех богослужений – и Евангелие. Я решила: «Евангелие дети возьмут, а эта книжка им не нужна будет», скорей ее взяла, спрятала, чтоб не отобрали, и давай читать – а там все объяснение. Вот как Господь отвечает.

И вот я эту книгу читаю, а потом, если только не работаю, бегу в церковь. Все удивлялись: что это с ней, раньше такого не было, а сейчас бежит и бежит в церковь. Началось у меня такое стремление к этому всему, а дальше – больше, и испытания пошли, особенно когда мы за храм хлопотали в 1970-е годы; в самые разные инстанции меня вызывали. Их очень корбило, что я, молодая, с высшим образованием, преподаю – и за храм хлопотчу. Как так, это несовместимо! В общем, мы все мытарства прошли.

У нас в Челябинске храм был маленький, стоишь и не перекрестишься – город-то большой. А когда я в первый раз к о. Тавриону приехала – батюшки мои, столько свечей горит, цветы (это была ранняя весна), ковры на полу, дорожки – ой, я на пороге стою и в душе восхищаюсь: как он любит Бога, как он любит Бога! Везде меня толкают, гонят, а тут такая свобода духа.

И задумала я оставить работу. Уже был такой закон, что если трудовой стаж проработал, то в 50 лет можно оставить работу. Думаю: ну что я приду уже немощная в церковь помогать, надо хоть немного покрепче быть, и о. Тавриону высказала эту мысль, а он мне сказал: сама ничего не делай, Господь тебе укажет дорогу. Я помолилась, а потом на день памяти святителя Иоанна Тобольского поехала в Тобольск: через 40 лет я вернулась туда, где мы были в ссылке. (Я тогда еще ребенком была, и мама меня к святителю водила. Его мощи в музее лежали, помню, как она меня мимо всех экспонатов к нему вела.) До этого у меня на работе устроили цеховое собрание – секретарь парторганизации, и профком, и все наши начальники меня, так сказать, «чистили»: «Несовместимо, она ходит в церковь! Зачем? Не нужна эта церковь...» Это еще 1970-е годы были, и храмы тогда еще закрывали. Одной из тех, кто кричал «О-о-о!», я сказала: «Светочка, ты еще сама в церковь прибежишь и детей приведешь» – так оно потом и случилось. (Смеется.)

В Тобольске на праздник владыка служил, вечером на акафисте, перед тем, как благословлять, он сказал: подходите под благословение и каждый думайте о том, что вам надо. Мне же после того чистилища, что на работе устроили, было очень горько, и с таким горьким настроением подошла я под благословение, а в уме думала, чтобы меня Господь не лишил любви к этим людям – они не виноваты, их заставили, наших работников, они меня все уважали. Вот я и подошла к святителю с этими мыслями. И в этот момент все от меня отпало. Я в Челябинске преподавала и любила эту работу, родни, друзей полный город. А тут вдруг поняла: ничего мне не надо, только быть около святителя Иоанна Тобольского. Приехала домой с духовной подружкой, она старше

меня, Клавдия Алексеевна, Царствие ей Небесное, и говорю ей: «Ничего не хочу, только быть у святителя», а она отвечает: «Голубушка, тебя благодать коснулась» (а я и не понимала того).

Когда я решила оставить работу, поехала к владыке Клименту в Екатеринбург (тогда Свердловск) и думаю: если он скажет «нет воли Божьей оставить работу», так я это не перенесу, я так хочу к святителю, так я в ноги к владыке упаду. Когда я его спросила, как мне быть, он некоторое время помолчал. (Когда-то он мне говорил: «Если тебя о чем спросят, ты, прежде чем ответить, прочитай «Отче наш», а потом отвечай». Я тогда сказала: «Владыка, ведь человек, пока я буду читать, так и уйдет». «Значит, ему, – говорит, – не надо было этого ответа». Вот как он меня учил. А то раньше если кто меня о чем спросит, так не успеет рта закрыть, а я уже ему «та-та-та» отвечаю.) Я хотела упасть ему в ноги, но он меня удержал, не дал. Так что я по его благословению уехала в Тобольск.

Я списалась с теми, кто на клиросе пел, со старостой, они ответили, что с радостью меня примут. Написала заявление об уходе, и начальник мне говорит: «На что ты там будешь жить?» У меня еще пенсии не было, всех запасов – сто пятьдесят рублей. А родне как сказать? Они все поднимутся: куда от таких хороших условий? Квартира, работа и оклады были уже лучше (я на железной дороге старшим инженером-связистом была). Кое-как выбралась от всех этих уговоров.

Приехала в Тобольск, а там два храма было: собор, где мощи святителя, и на кладбище храм. Когда были ссылки, только этот кладбищенский храм и был действующим, больше нигде не служили. Сейчас-то уже храмов, конечно, больше и семинария действует. А вообще-то до революции в Тобольске было 28 храмов и семинария*. Я пришла вначале в кладбищенский храм, недалеко от вокзала. Там готовились к крещению, воду носили на коромысле – я включилась, такая радостная. А что, мне еще 50 лет было, не так тяжело было воду носить. Соборщица потом приходит: «Мы тебя ждали, писали, а ты – тут?» Взяли меня в собор, устроили на клиросе петь, в сторожке жить. Мне еще в Челябинске тетя Поля говорила: клирос есть, а рядом с клиросом промежуток, где можно стоять: становись, там будут петь, а ты будешь учиться; я так и училась. И когда в Тобольск приехала, встала и сразу на память запела с хором, ведь я уже знала напев. За ящиком продавала свежи и многое еще делала, но денег-то у меня нет, пенсии нет, просить я не могу, одета я хорошо, молодая – как я буду просить? И вдруг ночной сторож в Тобольске умер, и меня поставили ночным сторожем с зарплатой 60 рублей денег в месяц. А где жить? Меня ведь сначала в сторожке устроили, а потом стали из нее выгонять. Я однажды пришла в собор, стою у порога, заходит ризница и говорит: ты где? Говорю: «Нигде. Не знаю, куда идти ночевать». – «Пойдем ко мне, я уезжаю на какое-то время». Вот и квартира нашлась. Ну все, зажила Олимпиада, 60 рублей в месяц – это деньги, и где ночевать есть, и работа есть – все есть, и за ящиком торгую, и на клиросе пою с сестрами, и святитель тут рядом.

А Лида, моя сестра двоюродная, уже в Пустыньке была; она сказала отцу Тавриону, что я ушла с работы. Он тогда мне написал: и у нас работа найдется. Я обрадовалась этому письму и не спросила благословения владыки – он же меня благословил только с работы уходить – и приехала сюда. А сама горюю: то благословение не сняла (никогда двух благословений не берите) и тут, у о. Тавриона и тоскую, и плачу, и мне беспокойно. Отец Таврион наверное, об этом догадался и вернул меня в Тобольск, и я опять там устроилась. Мне так хорошо стало, и уже не хочу сюда ехать. Лида пишет: приезжай, уже все, прописку можно сделать и прочее, а я: «Не жди меня, не приеду я». Лида приходит и батюшке жалует-ся, а он говорит: «Не беспокойся, в декабре приедет». И вот я в Тобольске трудилась-трудилась, и в результате меня там выгнали. Я ехала сюда, в Пустыньку, и плакала всю дорогу – не хочу, а плачу. Приехала сюда, они меня встретили, я немного пришла в себя и на следующий день утром пришла к батюшке. Потом уже ночью плакала-плакала и во сне увидела: о. Таврион взял мою голов-

Архимандрит Таврион (Батозский)

ку и приклонил к своей груди во сне – и я утешилась. И действительно, он почти сразу меня взял к себе поближе, все еще удивлялись: откуда она взялась? А он уже знал мою жизнь, все эти гонения и на работе, и везде. Когда я в Тобольск уезжала, труднее всего было учеников оставлять, любила их очень, и они мне тем же отвечали. Бог – это любовь, и я не за деньгами в училище шла, а чтобы им специальность дать. Поэтому о. Таврион и дал мне послушание письмоводителем у него быть – людей принимать, видел, как я их люблю...

Когда уже батюшка взял меня к себе, я ему высказала мысль, что хотела бы принять монашество. И вот я у него пожила какое-то время в послушании: нужно было вставать рано, на службе синодики читать, а потом прибегала, скорей готовилась: батюшка будет принимать, а мне тоже целый день трудиться и поздно ложиться. Стою на службе, и мне хоть бы до причастия дожить – сил не хватает. Причастие приму – и опять бегаю, готовлюсь к приему. Отец Таврион мне такое поздравление написал на день ангела: «Желаю Вам всего того, чего Господь Вам желает. Благодарю за усердие».

Имя Олимпиада мне дали родители. У свт. Иоанна Златоуста была диаконисса Олимпиада. Когда его изгнали из Константинополя, то и ее тоже. Отец Таврион его очень любил, он говорил, что свт. Иоанна гнали 40 лет. А его не 40 лет гнали, а 35. То есть 40 лет – это было пророчество о нем самом – об о. Таврионе. Вот уже 37 лет прошло... В Пустыньке вместо 3-го и 6-го часа читали творения свт. Иоанна, и перед постригом о. Таврион первый раз дал мне их читать. А когда в иночество мой постриг был, я плакала, хотела очень. Отец Таврион оставил мне имя Олимпиада (я не хотела его менять, а он, видно, понял это), сказал – подражай ей, вот так молись, со слезами, значит. И еще сказал: будет и больше. А правило простое: запомни, говорит, два слова: «прости-те» и «благословите».

Вот так у меня и получилось, Сам Господь меня сюда привел. И спасибо Ему за ссылку, она привела меня и к святителю, и к о. Тавриону, а дальше карабкайся сама, все уже дано было... Если бы я в Тобольске осталась, то никакое монашество я бы не приняла. В то время это еще было совсем не так, как сейчас. Тогда не было такой свободы. А батюшка не посчитался с этим, у него свобода духа была – он никого не боялся. Он не задевал никого, не чернил ничего, и вместе с тем никогда не трусил.

Материал подготовила Яна Калнина

* После 1917 года Тобольская епархия подвергалась тяжелым гонениям, разделив долю всей Русской православной церкви. С 1937 по 1942 год на территории Сибири не осталось ни одного правящего архиерея, поэтому все сибирские епархии прекратили свое существование. В конце Великой Отечественной войны в городах юга области открылось несколько храмов, а территория бывшей Тобольской епархии была включена в состав образованной в 1947 году Омско-Тюменской епархии. До конца 1980-х годов в огромной по площади Тюменской области оставались открытыми только 8 церквей.

Леби Шахбулатовна Мальсагова с дочерьми и внуками

В конце 50-х годов уже с семьями они вернулись из ссылки на Кавказ. Несмотря на частую смену места жительства, бабушка, мама и тетя постоянно находились под давлением органов, которые доставали их повсюду. Мою маму забирали в «учреждение» иногда даже прямо с улицы. С «собеседований» она выходила с синими ногтями. А однажды, доведенная до отчаяния (дело было в Киргизии), мама сказала бабушке: «Может быть, я подпишу, мама? Они ведь не оставят нас в покое!» В ответ на что услышала от больной, лежащей в постели бабушки

«Все когда-нибудь должны умереть. Никогда не делай такого, чтобы люди плюнули тебе вслед»

Начало на с. 1

такие слова: «Лучше умри там, если ты подпишешь хоть какую-нибудь подлую бумагу. Я прокляну тебя!..» И всегда бабушка поджидала свою дочь у ворот очередного НКВД с узелком заготовляемых каждый раз, когда вызывали ее старшую, харчей – а что если дочь не выпустят из этих страшных стен, становящихся для многих и многих могилой.

Так было прожито 30 лет...

...И вот письмо от отца в начале шестидесятых... Моя тетя – Мадина – к этому времени руководила поликлиникой в Грозном. И в переписку с отцом вступила она. Тетя написала своему отцу пять писем и за это была освобождена от должности главного врача. Четырнадцать писем деда к семье хранятся у нее и до сих пор читаются со слезами на глазах и болью в сердце. Письма эти – свидетельства страшной трагедии, разметавшей семью по свету, но не уничтожившей ее.

...Я никогда не видела, чтобы наша

бабушка плакала. Впервые ее плач и рыдания я услышала, когда она получила известие о смерти своего бедного Соси (так звали деда близкие). Она скорбела о нем, как будто прожила с ним нормальную супружескую жизнь, принимала соболезнования, совершила весь положенный мусульманский поминальный обряд и до конца своей жизни пекла по пятницам и раздавала поминальные лепешки в память по умершему мужу...

До смерти деда бабушка, молясь, всегда просила у Бога здоровья своему мужу, облегчения его участи на чужбине. Я думаю, что как женщина, она где-то в глубине души, может быть, испытывала некое удовлетворение от того, что ее Соси оставался до конца ей верен и не женился, но как истово верующая мусульманка, она, безусловно, сожалела о его одиночестве, говоря: «Если бы он женился, ему не было бы так трудно, у него была бы жена, еще дети. Он оказался несчастливее меня, потому что на

старости лет никто не подал ему стакан воды с любовью». Его одиночество приносило ей страдания...

На могиле бабушки в селе Альтиево (родовом кладбище Мальсаговых, где мечтал быть похороненным дед) стоят два скромных надгробия – Созерко и Леби Мальсаговых, встретившихся после всех земных испытаний через 56 лет. Их разъединила стихия и соединил Бог...

Из предисловия Мариам Яндиевой к книге «Адский остров», написанной ее дедом Созерко Мальсаговым в 1925 году

¹ 15 мая 1925 года Созерко Мальсагов с товарищами по заключению совершили побег из Соловецкого лагеря и оказались в Финляндии. Позднее Мальсагов жил в Литве и Польше, во время Второй мировой войны сражался в польских войсках. После побега из фашистского лагеря участвовал в Польском сопротивлении. После войны жил и скончался в Англии. Реабилитирован в 1990 году.

² Сокращение от устойчивого словосочетания (использовавшегося и как название лагерной статьи): «член семьи изменника Родины».

Из переписки 1970-х годов

«По окончании войны мне ответили, что он умер в 1941 году от паралича сердца и похоронен в дальне-северных лагерях»

Дорогая моя, милая Нина Сергеевна!

И Вы еще просите у меня извинения, что задержали ответ на мое письмо, тогда как я постоянно повинна в этом и, к сожалению, ничего изменить не могу. В летние жаркие дни я целыми днями занята домашним хозяйством. А вечером, когда все собираются, я не могу писать, тем более Вам, когда надо вспоминать очень далекое прошлое, чтобы ответить на все Ваши вопросы¹.

...Я приехала в Баку в июне 1921 года с тетей и братом и буквально через несколько дней поступила на работу в Военно-Морскую инспекцию секретарем начальника инспекции, а через месяца 3–4 поступил к нам Коля инспектором-ревизором. Приходилось часто сталкиваться по работе. Я печатала ему акты ревизии, и мы как-то быстро подружились, а через три месяца он мне сделал предложение, просил познакомить его с моими родными, стал бывать у нас. Тете и брату он очень понравился, и я его полюбила. Вскоре он встретился с начальником экспедиции Ленинградской академии наук, которая направлялась в Кара-Богаз, и тот предложил ему должность начальника базы этой экспедиции. Коля спросил меня, если он даст согласие, поеду ли я с ним. Я увидела, как ему хочется принять участие в этой экспедиции, и, конечно, согласилась. Он был очень доволен. Через две недели туда отправлялся пароход, мы сделали обручение, и через три дня Коля уехал. Перед отъездом перевел свою зарплату на меня и просил, чтобы я оформила свое увольнение с работы и готовилась к отъезду, так как, приняв базу и все оформив, он придет за мной.

Но дней через 10 приехал один инженер из Кара-Богаза и сообщил, что там заболели несколько человек сыпным тифом, в том числе и Коля, и что он приехал за врачом. Я только спросила, когда туда идет пароход, после этого сразу пошла к врачу, спросила, что надо делать, какие брать медикаменты, какие продукты, все достала. Захватила несколько бутылок коньяка, портвейна, лимоны, апельсины, кофе, гущенное молоко и все необходимое, и через три дня мы уехали.

Колю я увидела в очень тяжелом состоянии, но когда он узнал меня, он заплакал и сказал: «Бог еще не совсем отвернулся от меня».

Я все время была около него, и не было страха от того, что могу заболеть. И не заболела.

Он очень медленно поправлялся, так как получилось еще осложнение вроде свинки, которое чуть его не задушило, успели сделать операцию, и только через три месяца мы поехали в Баку.

Тетя и брат очень волновались. Мы зарегистрировались и даже повенчались, так хотел Коля. Когда мы приехали к его родным, отец сразу спросил, повенчаны мы или нет, а Коля успокоил его и показал ему брачное свидетельство.

Решили всем ехать в Баку, у нас уже была своя комната и было где остановиться².

В 1937 году, это роковой для нас год, Коля и еще один инженер были на 2 месяца командированы в Сталиногорск (ныне Новомосковск). Я и дети поехали с ним, и примерно в начале августа к нам приехал брат Вашего и Колиного папы – дядя Петя, он работал в органах. До этого мы никогда с ним не встречались. Он пробыв у нас с неделю, а в конце августа я должна была уехать в Баку, так как надо было детей готовить к школе. Мы с Колей никогда так тяжело не расставались, почему-то такая тоска была на сердце. Коля проводил нас до Москвы и вернулся, так как дела еще не были закончены. А в конце сентября я получила от Коли открытку (видимо, выбросил из окна вагона), где он сообщает, что его направили в Ашхабад, что он за собой вины не знает, что это ошибка, разберутся, чтобы я берегла детей.

Я сразу оставила детей с тетей и поехала в Ашхабад. Но куда бы я ни обращалась, везде мне отвечали, что такого нет. Я вернулась обратно, а через некоторое время я получила от него письмо в конверте, написанное чернилами, где он пишет, чтобы я не приезжала, так как свидания не дадут, и посылки не присылала, он их не получит. Но просил все-таки послать обувь, и я послала. Еще он просил, чтобы, если я могу, высылать ему 50 рублей ежемесячно. Конечно, я стала сразу ему высылать, а месяцев через 8–9 последние деньги, что я послала ему, пришли обратно. Я опять поехала в Ашхабад. Собрала все его теплые вещи, взяла сало, чеснок, лук и другие непортящиеся продукты. Но в Ашхабаде, куда бы я ни обращалась, опять был один ответ: «Такого нет!»

Я была в отчаянии. Потом мне сказали, что надо ночью караулить у пересылочного пункта. Когда отправляют в ссылку, этот пункт одной стороной выходит на кладбище, и вот мы (нас было много) ночью сидели там со своими узлами, и как только было слышно движение, мы выбегали. Так мы сидели там каждую ночь, чуть ли не целую неделю. Нас разгоняли, и никто из нас ничего не добился. Я уехала, а что было на сердце, передать невозможно. Через довольно короткое время к нам опять приехал дядя Петя и сказал, что заехал

к нам по пути к Тбилиси, куда ехал по делам службы.

Я спросила его, сможет ли он чем-нибудь помочь Коле, хотя бы узнать, где он и жив ли. Петя ответил, что это почти невозможно – «такая полоса».

Вот так-то, моя родная, пишу, а слезы мешают писать. Того инженера, что был с Колей, тоже взяли. Потом, как нам сообщили, он получил 20 лет ссылки в дальнем северном лагере, а Коля 10 лет без права переписки.

Какова судьба? Жена того инженера через год вышла замуж, а он через 19 лет после реабилитации вернулся. Я же не мыслила о другом замужестве, и как нам ни было трудно, я ждала Колю.

Во время войны на мои запросы не отвечали, а по окончании войны мне ответили, что он умер в 1941 году от паралича сердца и похоронен в дальне-северных лагерях.

До войны нас не беспокоили, а как началась война, нам предложили выехать из Баку. Квартира, вещи, все пропало. А когда нам разрешили вернуться, в дороге заболел Сережа. Когда приехали, сразу вызвали врача. Определили тиф, положили в больницу, там сделали ванну. Было холодно, простудился, и как осложнение – воспаление легких, а затем энцефалит и менингит, и мальчика в 16 лет не стало, умер, не приходя в сознание. Описать невозможно, что было со мной. Потерять сразу после Коли такого сына. Только Вы можете представить, и если бы не друзья, я бы не вынесла такого удара. Они нас с дочкой поддерживали и морально, и материально, ведь нам даже не на что было Сережу похоронить, они сделали все сами.

Вот так, моя дорогая. А жить надо, время самый лучший лекар. Надо было еще поддержать и дочь Марину, она получила извещение, что муж ее, отец Эллы, пропал без вести еще в 1941 году во время войны. Первое время нам было невыносимо трудно, мы буквально голодали. Но потом, постепенно наладилось.

...Мои переживания о Коле чужды дочери и внучке, поэтому я пишу без них так подробно. Вряд ли я когда-нибудь еще смогу написать Вам, моя дорогая, родная Нина Сергеевна.

Колю я никогда не забуду. Это был добрый, заботливый, ласковый муж и отец. Мы прожили 16 лет вместе так дружно, что люди завидовали нам, все это было как в сказке.

Бедный мой Коля, столько у него было и родных и друзей, а умер вдали от всех. Я знаю, моя хорошая, вы меня не осудите, что я так расписалась. И я прошу Вас, не показывайте никому мое

письмо, особенно детям. Они не поймут и только усмехнутся, а мне это будет очень больно. Может быть, я где-то пишу и нескладно, не судите, мне очень трудно писать.

Целую Вас, моя дорогая, от всего сердца. Привет Вашим детям. Ваш друг, Ольга Покровская

Дорогая моя Ольга Федоровна! Получив Ваше последнее письмо, я сразу Вам ответила, чтобы Вы не ждали долго ответа, но я так мало написала, и не написала самого главного. Вот теперь и пишу.

Я все читаю Ваше письмо, и так мне жалко Колю и Вашего Сережу, что я все думаю и думаю о вас всех.

Вот ведь как глупо складывается все в жизни. В те разы, когда Вы приезжали в Москву, мы с мамой были в Москве. И мы не встретились. Что помешало этому?

Не знали мы жену и детей Коли, человека, так нами любимого и нам близкого.

...Говорят, что не нужно жалеть о том, что прошло. А вот я жалею. Потому, что любила Колю всей своей душой и считая его лучшим из всех Покровских. Его и дядю Ваню, Ивана Петровича. На всех остальных я вижу много тени, и только дядя Ваня и Коля представляются мне людьми чистойшей души, и, вспоминая прошлое, я тоскую о них.

И вот трагическая насмешка судьбы – оба они, и только они из всех Покровских, погибли одинаковой гибелью. А теперь ничего, ничего не вернешь, ничего не поправишь...

Письма из семейного архива Т.К. Покровской

¹ Н.С. Покровская спрашивала о судьбе двоюродного брата ее мужа и о том, как живет его семья.

² Отец Николая Покровского был священником. Сыновья перевезли его на Кара-Богаз-Гол, чтобы спасти ему жизнь. Родной брат о. Александра, о. Иоанн, свекор Н.С. Покровской (дядя Ваня), также бывший священником, не согласился оставить служение и переехать к детям в другой город, был арестован и скончался в тюрьме.

Минувшее столетие в свете церковной истории

Вышел 13-й выпуск научного журнала СФИ

Очередной выпуск Альманаха СФИ, собравший статьи по церковной истории, состоит из трех рубрик: «К столетию Поместного собора 1917–1918 годов», «Духовные движения, союзы и братства» и «Церковь в константиновский период истории».

В первой рубрике опубликованы две статьи – Татьяны Крыловой и Ольги Филипповой. В статье Татьяны Крыловой рассказывается о предложениях по реформированию духовной школы (среднего и высшего звена) на рубеже XIX–XX веков, оставшихся нереализованными в связи с изменившейся после переворота 1917 года политической ситуацией. В «Отзывах епархиальных архиереев» представлен весь спектр существовавших на тот исторический момент программ. Ольга Филиппова в своей статье проанализировала поиск объема понятия «приход» в ходе Предсоборной дискуссии и на Поместном соборе 1917–1918 годов, выделив определения, вызывавшие наибольшие споры, а также идею, оказавшуюся предпочтительной.

Во вторую рубрику вошли семь статей. В одной из них изложена идея Всероссийского Братства, прозвучавшая в сочинениях и публичных выступлениях широко известного в начале XX века христианского мыслителя и деятеля Николая Неплюева (1851–1908). Автор рассмотрела особенности Всероссийского Братства в понимании Неплюева и историю предпринятых им попыток по его созданию.

В статье Ольги Борисовой расска-

зывается о двух значимых московских церковных кругах, собравших в 1920–1930-е годы верующих людей, которые в годы гонений на церковь со стороны государства дали целый сонм исповедников веры, – это община на Маросейке и круг верующей интеллигенции, который собрала Троице-Сергиева лавра. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что между двумя этими духовными центрами существовала тесная связь, это был единый круг людей, духовно близких друг другу.

Русскому студенческому христианскому движению посвящены две статьи. Ульяна Гутнер рассмотрела вопрос возрождения соборности в Православной церкви на примере истории съездов РСХД. Иван Петров рассказал о репрессиях советской власти против православных деятелей РСХД в Эстонии в 1940–1941 годах на примере конкретных судеб трех участников Движения. Основными материалами для исследования послужили дела, хранящиеся в Эстонском государственном архиве.

Александра Буданова посвятила статью исследованию взаимосвязи понятий «личность» и «община» в писаниях и пастырской практике епископа Макария (Опоцкого) – создателя целого ряда православных братств, которые существовали на территории России с некоторыми перерывами с 1908 по 1941 год.

Протопресвитера Виталия Борового называют «академиком церковного опыта», знаковой фигурой в истории церкви XX века, куда он вошел как богослов, ученый, опытный дипло-

мат, пастырь, проповедник, учитель. В статье Галины Ложковой рассматриваются основные направления служения отца Виталия в первые 30 лет его церковной деятельности – с 1929 по 1959 год. Этот период представляет особый интерес как время формирования духовно-мировоззренческих взглядов, церковной и гражданской позиции отца Виталия, становления его как пастыря, педагога, церковного ученого, дипломата.

Деятельности митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) – епископа советской формации, самого влиятельного церковного деятеля своего времени – посвящена статья Дарьи Макеевой. Он вступил в должность председателя Отдела внешних церковных сношений в июле 1960 года. Это был один из самых тяжелых периодов в истории Русской православной церкви – время антирелигиозной кампании, целью которой была полная ликвидация церкви и всех церковных институтов. Несмотря на жесткий контроль со стороны советского государства, митрополиту Никодиму удалось наладить и развить отношения с Римско-католической церковью и со многими протестантскими церквями, способствовать укреплению позиции Русской православной церкви в СССР.

В третьей рубрике опубликована статья Виктора Венглевича, описывающая деятельность православных приходов, находившихся на территории Радомской губернии Польского Королевства в XIX и начале XX века. Автор предложил гипотезу возникновения

православных храмов на земле, где жили только поляки римско-католического вероисповедания или евреи. В статье исследованы различные аспекты жизни этих приходов: какие церкви и когда были построены, в связи с какими нуждами; какие священники там служили, чем они занимались; какие кладбища существовали при приходах.

Альманах продается в интернет-магазине «Предание» <http://predanie.org>.

Наталья Игнатович
Сайт Свято-Филаретовского института

Церковное искусство и искусствоведение от отцов и до наших дней

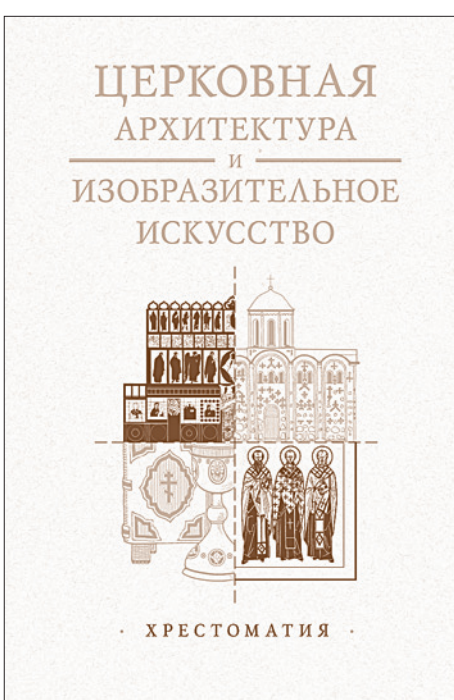
СФИ выпустил учебник и хрестоматию по курсу церковного искусства (автор А.М. Копировский)

В издательстве СФИ вышел учебник профессора Александра Михайловича Копировского «Церковная архитектура и изобразительное искусство». В учебнике представлены программа и тематический план курса, библиография, материалы по храмовой архитектуре, храмовому декору, иконописи, церковному прикладному искусству. Вторая часть пособия – видеокурс лекций, который автор читает в СФИ с 1992 года.

Содержание и методика преподавания курса – часть кандидатской диссертации Александра Михайловича по педагогике. В основе методики лежит междисциплинарный подход, синтез элементов различных богословских

дисциплин (подобный подход к преподаванию церковной археологии был впервые предложен в конце XIX века профессором СПбДА Николаем Владимировичем Покровским). Одна из задач курса – преодолеть современную тенденцию к узкой специализации в области искусства и к противопоставлению светского и церковного направлений в науке.

В дополнение к учебнику выпущена хрестоматия. В нее вошли фрагменты библейских текстов, писаний отцов церкви, постановлений церковных соборов, посланий священнослужителей, исследований богословов, историков искусства, философов, филологов, размышлений иконописцев и худож-

ников, а также отрывки отдельных художественных произведений. Тексты расположены в соответствии с разделами курса «Церковная архитектура и изобразительное искусство».

Пособия предназначены для студентов I курса СФИ, но могут быть полезны и для студентов, изучающих эстетику, церковное искусство и смежные дисциплины в других духовных и светских учебных заведениях, для их преподавателей, а также для всех, кто интересуется этим предметом.

Издания можно приобрести в интернет-магазине православной литературы «Предание» <http://predanie.org>.

Сайт Свято-Филаретовского института

Фото Алексея Ясонова

А.М. Копировский проводит экскурсию для студентов в храме Св. Троицы в Никитниках. 2006 г.

Вышло в свет новое издание бесед прп. Макария Египетского

Ученые предполагают, что подлинным автором текстов был, вероятно, Симеон Месопотамский

Новое издание духовных слов и посланий прп. Макария Египетского с приложением греческого текста, исследованиями и публикацией новейших рукописных открытий подготовили А.Г. Дунаев и иеромонах Винсен Дэпрэ при участии М.М. Бернацкого и С.С. Кима.

Книга представляет собой новое издание русского перевода и греческого текста (билингв) крупнейшего из собраний, дошедших под именем прп. Макария Египетского, подлинным автором которых был, вероятно, Симеон Месопотамский.

Французским ученым, иеромон. Винсеном Дэпрэ для издания было предоставлено обстоятельное исследование о последних открытиях в текстологии Макариевского корпуса и о цитатах из творений Макария-Симеона в разных источниках; впервые публикуются собранные им в течение 30 лет тексты, имеющие отношение к Корпусу (collectio I). В приложениях публикуются критические издания текста Слова Симеона Месопотамского, подготовленные М.М. Бернацким и С.С. Кимом с использованием не учтенных ранее рукописей (греческих, славянских и грузинской).

Это издание пустыни Новая Фиваида Афонского Пантелеимонова монастыря объемом 1120 с. было отпечатано тиражом 300 экземпляров.

Источник: Начный сайт по патрологии и богословию <http://www.danuvius.orthodoxy.ru/>

Прп. Макарий (фрагмент). Фреска скита монастыря прп. Неофита Кипрского. Кипр. 1183 г.

Атеизм шагает по планете

В начале 1990-х, после краха СССР, атеизм потерял значительное число своих приверженцев и стал уделом «бывших». Но ситуация меняется, и атеистическое сообщество все сильнее заявляет о своих правах.

Игры на политическом поле

В России «новые атеисты» составляют значительный электоральный процент. Даже если поверить официальной статистике и допустить, что 74 % русских у нас являются православными, то остается еще 26 %, с которыми политтехнологам приходится считаться. На самом деле этот процент больше и с каждым годом растет. В контексте трансформации идентификационного кода (для большинства соотечественников православие важно именно с точки зрения идентичности), с ростом влияния секулярной западной культуры (фильмы, музыка, спорт, либеральные ценности etc) число агностиков увеличивается. И за их голоса идет борьба.

«Политический атеизм» громко заявил о себе в 2012 году, хотя его речи звучали в общественном пространстве и раньше. Именно тогда одно из доверенных лиц Владимира Путина на президентских выборах – Александр Невзоров – выступил с жесткими обвинениями в адрес Церкви. Тем самым он давал понять избирателям, что интересы секулярно настроенной части общества будут учтены «кандидатом номер один». Во время оно известный журналист и политик Невзоров дружил с кругом, сложившимся вокруг весьма консервативного питерского митрополита Иоанна (Снычева), неоднократно использовал в своих играх ресурсы и возможности правого крыла РПЦ. Но, трезво оценив перспективы господствующей конфессии, принял решение резко дистанцироваться от нее. В печати и в эфире стали регулярно появляться его антицерковные агитки. И говорит раскрученный журналист подчеркнуто хамски, чтобы исключить возможность полемики. Например, характеризуя клириков, Невзоров замечает: «Мы видим жирующих наглых бесцеремонных людей, которые радуются, что они востребованы царством для создания какой-то идеологии, и выжимают из этого все, что только могут». По его мнению, ни обществу, ни государству Русская православная церковь не нужна.

Похожую позицию, завернутую, правда, в упаковку политкорректности, демонстрирует и общество «Здравомыслие». Оно поддерживает, а часто и инициирует, антицерковные выступления, радикализует протест. Скажем, оно не

только принимает участие в акциях местных жителей против строительства церквей в зеленых зонах, оказывает им юридическую и информационную поддержку, как это было в московском парке Торфянка, но и выступает против развертывания патриаршей программы-200, предусматривающей строительство культовых сооружений в спальных районах Москвы.

На какой почве растет радикализм

В последние годы стали раздаваться голоса не только против самой многочисленной по числу верующих конфессии, но и против религиозности вообще. Например, Александр Желенин в «Росбалте»¹ заявляет, что религия – это духовный обман и дезориентация человека. Для аргументации своей позиции журналист прибегает к штампам советской атеистической пропаганды: «охота на ведьм», «костры инквизиции», «гуманизация» крестом и мечом Америки. Атеист не подзревает о духовной жизни на глубине, о переустройстве внутреннего мира уверовавшего в Бога человека, который начинает заниматься делами милосердия, бережно относится к природе, обращается к творчеству. До таких мелочей автору нет дела, поскольку его интересуют только внешние стороны процесса. Действительно, скандальных тем, связанных с религией, хватает. Позитивные же часто незаметны стороннему наблюдателю. И он делает вывод, что религия остается кандалами на теле ученого, художника и вообще любого свободного человека. Идея не-политизированной свободы, свободы во Христе остается для автора тайной за семью печатями.

Желенин утверждает, что любая религия плоха, поскольку она неизбежно рождает радикалов. Экстремизм растет на «умеренной» почве. С этим утверждением вроде бы не поспоришь: в религиозной среде, действительно, часто появляются те, кто скажут, что они постигли истину гораздо лучше остальных, и готовы будут громить и убивать тех, кто с этим не согласен. Но проблема в том, что и атеизм тоже может рождать своих монстров. Более того, он рождает тоталитарные режимы, которые страшнее любых «костров инквизиции». Коммунизм и нацизм есть беснование идеологии, замешанной на атеистических тенденциях. Поэтому в разговоре об экстремизме мы не можем забывать о том, что человек способен на жестокость и во имя Бога, и во имя борьбы с религией.

В Москве открыт
новый церковный центр
по работе с глухими
и слабослышащими людьми

4 октября 2015 года в храме Всех святых, в земле Российской просиявших, в московском районе Новокосино дан старт еженедельным богослужениям с сурдопереводом и новому направлению работы храма. Теперь при нем функционирует социально-миссионерский центр по работе с глухими и слабослышащими людьми.

Первую в Новокосинском храме Божественную литургию с сурдопереводом и открытие центра возглавил председатель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон. На богослужении присутствовало более 80 глухих и слабослышащих людей, в том числе 20 представителей нижегородской православной общины глухих «Спас», специально приехавших из Нижнего Новгорода.

Теперь каждую субботу в 9.00 в храме будут совершать Божественную литургию с сурдопереводом, после которой с глухими и слабослышащими будут проводить катехизаторские беседы. Новый центр организует общину людей с нарушением слуха, откроет школу добровольцев по изучению дактильной азбуки и жестового языка и будет заниматься просветительской работой. Адрес храма: ул. Суздальская, 86.

В день открытия центра епископ Пантелеимон вручил благодарственную грамоту представителям нижегородской общины глухих за многолетний вклад в дело просвещения людей с нарушением слуха.

В настоящий момент в мире насчитывается около 360 млн слабослышащих и глухих людей, из них 13 млн проживают в России. На территории России работа с глухими ведется в 50 приходах Русской православной церкви. Русским жестовым языком владеют 13 священников и 5 диаконов.

Патриархия.ru

На Филиппинах состоялось очередное массовое крещение местных жителей

27 сентября сразу 4 бывших прихода Филиппинской независимой церкви присоединились к православию. Клирики Русской православной церкви на Филиппинах крестили 187 человек в водах Тихого океана, сообщается на странице миссии в Facebook.

Крещение прошло в провинции Сарангани.

Из-за шторма (высота волн достигала 2,5 метра) совершение таинства крещения заняло около 6 часов. Сразу после крещения и миропомазания под открытым небом на берегу началась Божественная литургия, и новообращенные впервые причастились в Православной церкви.

Часть крестившихся являются прихожанами бывшего прихода святого Иосифа работника из с. Побласион Киамба; теперь этот приход, перешедший в православие, получил посвящение в честь св. Иосифа Обручника и стал пятым приходом Московского патриархата на Филиппинах. Бывшие прихожане церкви св. Исидора Мадридского села Салакит составили шестой православный приход – в честь святого Исидора Хиосского. Приход в Кайюпо стал седьмым и получил посвящение в честь Богоявления Господня. Восьмым православным приходом на Филиппинах стала община в честь иконы Пресвятой Богородицы «Животный источник» из г. Майтум в провинции Сарангани.

Плохая погода и разбросанность приходов не позволили всем желающим принять крещение добраться до места совершения таинства. Как сообщается на странице православной миссии, крещение собираются принять еще около 200 местных жителей.

За последние 2 года в стране наблюдается повышенный интерес к православию и массовые переходы в Православную церковь местных жителей.

В начале 2014 года лидеры, духовенство и последователи двух крупных инославных аглипайских церквей обратились с просьбой к Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Кириллу с просьбой принять их общины в лоно Русской православной церкви.

В общей сложности эта община насчитывает 11 епископов, 42 священника, 63 прихода и около 20 000 активных прихожан. Последние полтора года в стране работает русская православная миссия, священники которой занимаются катехизацией филиппинцев.

Сайт «Рублев»

Атеизм шагает по плану

Постмодернистские ноты

Новые атеисты часто говорят жестким языком советских безбожников первых пятилеток. Но за ними не стоит административный ресурс. Поэтому сурово насуленные брови и громкие речи, вопреки, возможно, желанию авторов, переносят нас в атмосферу карнавала. Не того, которые устраивали товарищи во главе с Емельяном Ярославским, а постмодернистского маскарада.

Православные акционисты, вроде Энтео, также нередко прибегают к постмодернистским жестам за гранью фола. Например, подкидывают свиную голову в фойе Художественного театра или бросают на пол работы Сидура. Неоатеизм и православный акционизм, борясь с «врагами», идут в одной связке. И, наблюдая за их фигурами поведения, можно вспомнить стихи Ивана Ахметьева: «Постмодернизм/у нас тут/ наложился на маразм».

Тем не менее, постмодернистская игра, несмотря на странности в некоторых регионах, сегодня существует в большинстве цивилизованных стран. Атеизм тоже стал частью этой игры. Церковь макаронного летающего монстра, Объединенная церковь бекона и другие подобные образования пародируют традиционную религиозность. Но даже в такой форме религия порождает более тесные связи и более сильное ощущение включенности в общность. Атеизм играет, но не выигрывает. Слова французского социолога Эмиля Дюркгейма о том, что религиозная практика является необоримой интегрирующей силой, находят даже здесь свое подтверждение.

В поисках смысла

Игры с религией не освобождают человека от мировоззренческих тем. Кто я? Откуда? Зачем? Можно всегда прятаться за ширму, делать вид, что ничего, кроме игры, не существует. Но вертикальные проблемы все равно будут беспокоить человека.

Многие люди честно и искренне ищут смысл жизни, духовность. Атеисты могут считать это не поиском, а заблуждением. Но все-таки и им не помешает взглянуть на верующих более добрыми глазами, понять хотя бы, что их особый язык – это тот язык, на котором часть общества передает свои тревоги, конфликты, поиски правды.

В попытке ответа на онтологические вопросы пересекаются вера и неверие, наука и миф, фантазия. Это точка честного разговора, разговора не на публику.

В полемике между верой и безверием большая роль отводится теории эволюции. Эволюционизм в том виде,

в каком его предлагает современная наука, низводит все высшие формы к низшим. Даже мораль некоторые ученые склонны объяснять особенностями жизни приматов в стае. По их мнению, она возникла для внутригруппового употребления. «Не Бог ввел мораль, а скорее наоборот: Бог появился для того, чтобы помочь нам жить так, как мы, по нашему же мнению, должны жить», пишет американский биолог Франц де Вааль². Однако ученый признается, что универсальные права человека лежат за пределами природной этики. Здесь многое неясно.

Гуманизм, вопреки утверждениям неоатеизма, совместим с христианскими ценностями. Терпимость к религии позволяет думающим людям сосредоточиваться на размышлении о лучшем обществе. Вспомним хотя бы Томаса Мора, автора знаменитой «Утопии» и святого католической церкви. И сегодня наука вовсе не обязана вступать в бой с религией. Да, можно настаивать на том, что религия в устройстве общества не первична, что даже мораль имеет куда более низкое происхождение, чем мы привыкли думать. И все-таки неподвзятый атеист может согласиться с тем, что религии играют огромную жизненную роль.

Допустим, атеизм прав, и религия не была дана свыше и появилась в процессе эволюции. Но она не чужда человечеству. «Это наше собственное создание, часть нас самих, неразрывно связанная с культурой. Нам следовало бы научиться жить с ней и учиться у нее, даже если конечная наша цель – вступить на новый путь», – говорит Вааль.

Здравая мысль. Но что-то не видно, что отечественные атеисты готовы с ней согласиться.

В смежных комнатах

Вопросы веры и безверия сегодня не имеют окончательных ответов. Жизнь возникла однажды. Она не воспроизводится из неживой материи, как показал Луи Пастер. У всего живого был один прародитель, первый организм. Это не означает, что вокруг этой гипотезы стоит строить теологические концепции. Разные сферы деятельности человека не обязаны пересекаться на уровне одного мифа. У науки свой миф, у религии свой.

Это многообразие мифов неоатеизм не учитывает. Он спорит не с современными верующими, а с архаикой (хотя, конечно, архаики сегодня хватает). В лице возрожденной духовности история рациональности сделала новый шаг. Человек стал жить в смежных комнатах. Одна из них заставлена научными приборами и бытовыми отходами науки, в другой собраны символы

и связанные с ними игрушки. Рациональность обнаруживает себя здесь не в схоластических одеяниях, а в лице библистики, исторической литургики, археологии Святой Земли и тому подобных предметов.

Критикуя религию, новый атеизм не учитывает не только ментальность обитающих в смежных комнатах жителей, но и то обстоятельство, что в одной из таких комнат, где собраны научные аксессуары, обитает он сам. Он не понимает новой сложности современного верующего, а если вдруг и замечает ее, то называет «нецелесообразностью», «расколостью сознания». Но ничего похожего нет и в помине. Просто современный верующий – существо гораздо более сложное, чем это представляется неотеизму.

Атеизм настаивает на своем рационализме и научности. Но под маской объективизма часто кипят страсти. Ученые нередко настаивают на своей правоте вопреки новым фактам. Они их порой просто игнорируют. Рациональность нового атеизма базируется на сциентизме. На нежелании открыть свое сердце другой реальности, которая буквально стучится в дверь. Неоатеисты признают только эмпирическую данность и ставят жирный крест на надеждах и мечтах человечества. Они не понимают, что можно жить в нескольких комнатах одновременно.

Как можно закрыть двери в другую реальность, нам демонстрирует астрофизик Карл Саган, всю жизнь проповедовавший научный подход в выборе мировоззрения. В одной из своих книг он признается: «После смерти моих родителей я раз десять слышал голос матери или отца: они окликали меня по имени. Тысячи раз они так обращались ко мне в детстве – что-то поручали, напоминали о невыполненных обязанностях, звали к столу, заводили разговор, расспрашивали, как прошел день»³.

В другом месте он даже «проговаривается», что «кто-то во мне все же верит в посмертное существование, и ему наплевать, есть ли хоть одно надежное доказательство в пользу этой гипотезы»⁴.

И все-таки голосу из другой жизни американский ученый противопоставляет скепсис и правдоподобное объяснение: все это психологические глюки: «Исследования подтверждают, что от 10 до 25 % обычных, нормально функционирующих людей по крайней мере однажды в жизни пережили яркую галлюцинацию – слышали голос или же видели какую-то фигуру там, где никого не было. Реже люди ощущают призрачный запах или получают откровение в обход органов чувств. Иногда такие видения преобразуют человека,

меняют его судьбу, приводят к глубокой вере. Возможно, это дверь – точнее, дверца, которой ученые пренебрегают, – к научному пониманию феномена святости»⁵.

Без точных данных и убедительных экспериментов астрофизик отказался признать существование жизни после смерти. Это его право. Как, впрочем, и право верующего повторить вслед за Кантом, что, если бы Бог хотел сотворить людей учеными, он бы продлил их жизнь и не стал бы призывать в мир иной, когда человек только-только достиг полноты своих умственных сил и возможностей. Наука все-таки небольшой сегмент человеческой деятельности (в то время как религия охватывает все существенные стороны бытия), и ее претензии на мировоззренческий диктат вызывают противодействие.

В одном случае это противодействие выражается в усилении фундаментализма, в появлении, в частности, креационизма. В другом – в постановке новых проблем, от разрешения которых зависит новая форма бытования религии.

К таким проблемам можно отнести вопрос о действии Бога в мире. Внутри христианской общины, Церкви Бог действует, играя определенную роль в судьбах верующих. Они об этом сами свидетельствуют. А как Бог действует в эволюционном процессе? Один раз запустил его и отстранился? Так примерно думали философы в эпоху Просвещения. Наверное, нет. И Он вмешивается в процессы эволюции, как и в жизнь конкретных людей. Но это вмешательство не поддается эксперименту. Мы говорим о «чудесном» устройстве материи, о необъяснимой с точки зрения эволюции поведенческой стратегии животных и т. д. и т. п. Но вещи, говорящие о Божьем присутствии в мире, невозможно вычленишь при помощи научного эксперимента.

Об этом можно и нужно говорить – честно и открыто.

Поиски правил общежития

К сожалению, в диалог между верой и атеизмом вмешивается политика. Политехнологи постоянно бросают камни в воду, и общество начинает раскалываться. И каждая из сторон начинает апеллировать к власти. Государство, таким образом, превращается в арбитра. Благодаря этому церковное и секулярное общество можно раскалывать по мелочам, дергая за ниточки акционистов вроде Энтео. Можно прибегать к более сильной провокации, срамливая музеи и церковь. Можно переводить стрелки то на одних, то на других. И таким образом спускать пар и забалтывать проблемы. Словом,

атеизм, как и религия, оказываются заложниками политики.

С этим нужно как-то жить, понимая, что атеизм стал близким спутником религии. Даже внутри одного человека могут соседствовать вера и неверие.

Многие люди вообще не могут или не хотят переступить порог церковной ограды. Но в интересах этой группы, как, впрочем, и в интересах группы верующих выстроить толерантные отношения между представителями разных мировоззрений. Новый атеизм может быть жестким и воинствующим как по форме, так и по содержанию. А может быть терпимым, если верующие и агностики не переходят красную черту, не нарушают правил общежития.

Попытки установить эти правила – очень непростая задача. Не всегда видны даже субъекты переговоров.

Кто, например, является голосом Церкви сегодня? Одни только иерархи? Но это чистой воды клерикализм. Заинтересованные миряне? Но с их мнением никто не считается. А ждать, когда демократические, то есть соборные начала победят, общество не может и не хочет, потому что сегодняшние проблемы надо решать сегодня.

В любом случае диалог надо вести: в СМИ, на тех немногих теологических кафедрах, где на него готовы, в учебной среде, где богословские вопросы волнуют многих, в среде художников и писателей.

Думается, что внутренняя установка на диалог характеризует вмняемых людей полярных мировоззрений. Невзоровский же атеизм, под влияние которого попадают многие борющиеся с клерикальными заморочками граждане, этому явно не способствует.

Борис Колымагин

¹ Желенин А. Об умеренности как почве для радикализма / Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2015/09/05/1437106.html>

² Вааль Ф. де. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. С. 314.

³ Саган Карл. Мир, полный демонов: Наука – как свеча во тьме. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. С. 133.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Там же. С. 133.

Как применять основополагающие принципы катехизации при воцерковлении современных людей

Издан сборник материалов интернет-конференций по миссии и катехизации

Сборник материалов под названием «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» – первое издание в серии публикаций материалов интернет-конференций, проводимых на портале Научно-методического центра по миссии и катехизации при СФИ «Идите, научите все народы».

Для обмена опытом и помощи начинающим миссионерам-катехизаторам уже второй год на портале «Идите, научите все народы» регулярно проводятся интернет-конференции по актуальным проблемам миссии и катехизации. Все желающие могут задать на них вопросы преподавателям СФИ, сотрудникам Научно-методического центра, опытным миссионерам-катехизаторам, психологам, врачам, другим специалистам.

В выпуске представлены материалы пяти интернет-конференций:

- Как организовать и провести миссионерскую встречу?
- Что должны знать и уметь крестные, поручители?
- Как применять основополагающие принципы катехизации при воцерковлении современных людей в разных жизненных ситуациях?
- Какие возможности и ограничения есть у культуры и искусства в миссии и катехизации?
- Как воцерковлять людей, страдающих тяжелыми заболеваниями?

В условиях недостатка литературы по современной практике миссии и катехизации издание призвано помочь православным миссионерам-катехизаторам в их труде.

Издание подготовлено Научно-методическим центром по миссии и катехизации при СФИ.

Из сборника

«В каких случаях можно сказать, что встреча состоялась? У подлинной встречи, а только Господь ее может сотворить, всегда есть плоды. Главный плод описан в Деян 2:37: услышав проповедь Петра, слушающие были «поражены в самое сердце». Встреча с Христом всегда есть откровение четко переживаемого смысла, который освобождает от вины и, одновременно, зовет к покаянию».

(Владимир Якунцев)

«Поручителем христианин становится тогда, когда берет на себя ответственность за духовный путь

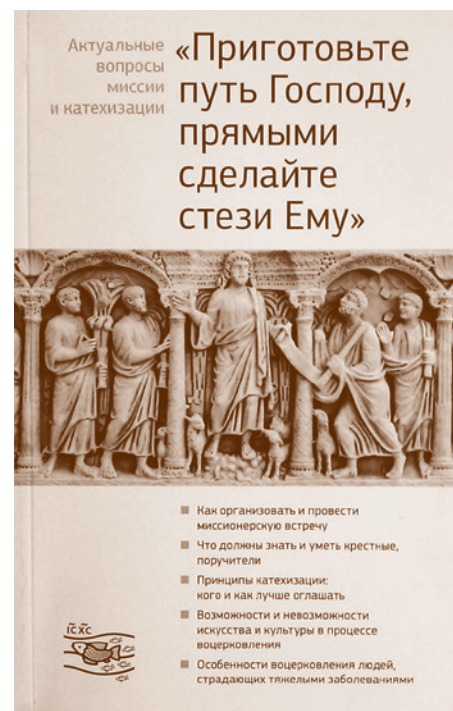
человека, ищущего Бога и Церкви. Он ручается, что намерения ищущего действительно таковы, как он говорит. Смысл поручительства – помочь в этих поисках обрести веру, надежду и любовь к Богу и братьям и сестрам, к Церкви. Поручитель – не обязательно друг, но всегда лично близкий человек, знающий и понимающий трудности, искушения, сомнения того, кто идет к вере. Между ним и поручаемым должны быть отношения доверия, взаимной открытости, постоянного общения. Только тогда можно реально помочь поручаемому. Ну и конечно, поручитель сам должен быть церковным служащим человеком».

(Маргарита Шилкина)

«Оглашение в группе или индивидуально решается всегда лично. Для человека с расстройством психики оглашение в группе может быть как разрушительным, так и целительным в определенном смысле слова. Катехизатор в зависимости от состояния человека (период обострения болезни, ремиссии, исцеления) решает, как лучше человеку оглашаться. Часто оглашение проходит на фоне медикаментозного лечения, но все-таки есть состояния, когда нужно отложить оглашение до окончания острой формы болезни. Что касается дифференциального диагноза, то хорошие врачи сами определяют, к какому специалисту необходимо обратиться (психиатр, психотерапевт/психолог). Нельзя исключать и духовные проблемы человека, которые приводят к психосоматическим расстройствам. В таком случае помогать человеку в первую очередь приходится священнику, катехизатору».

(Олег Ермолаев)

«Как катехизатор я часто использую на оглашении образы культуры, обращаюсь к ним, чтобы донести до людей какие-то важные смыслы, не переходя на рациональный, дискурсивный язык. Все-таки в процессе оглашения очень много действительно таинственного и таинственного – и в том, что происходит в человеческой душе во время оглашения, и в том, что мы хотим до человека донести. Мы говорим не просто легко сводимые к рациональной схеме вещи. К тому же я веду оглашение в Петербурге, и здесь на оглашение часто приходят люди,

для которых язык культуры – их естественный язык. Например, когда я говорю о последствиях грехопадения, у людей возникает классический вопрос: “Что же несчастного Адама выгнали из рая? Может быть, если бы его не выгнали, все было бы хорошо?” В ответ на такого рода вопросы я могу прочитать, например, стихотворение Ольги Седаковой:

*Плакал Адам, но его не простили.
И не позволили вернуться
туда, где мы все только и живы:
— Хочешь своего, свое и получишь.
И что тебе делать такому,
там, где сердце хочет, как Бог великий:
там, где сердце – сиянье и даренье.*

Достаточно бывает этого стихотворения, чтобы объяснить оглашаемому, что дело не в “злом Боге”, а в том, что после грехопадения сломалось что-то в самом Адаме».

(Юлия Балакшина)

Книга продается в интернет-магазине «Предание».

Наталья Адаменко
Сайт «Катехео»